

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИ

ДЖИМ БАТЧЕР

АРХИВЫ ДРЕЗДЕНА

ПОЛЕ БОЯ

Изоощренные сюжеты со стремительным драйвом, боевыми столкновениями, взрывами и полноценной магией.

Library Journal

Звезды новой фэнтези

Джим Батчер

**Архивы Дрездена:
Поле боя. Сочельник**

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Батчер Д.

Архивы Дрездена: Поле боя. Сочельник / Д. Батчер — «Азбука-Аттикус», 2020 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-25195-3

Его зовут Гарри Блэкстоун Копперфилд Дрезден. Можете колдовать с этим именем – за последствия он не отвечает. Когда дела принимают странный оборот, когда то, чему положено хорониться во мраке, выползает на свет, когда никто больше не может помочь вам, звоните... Кому? Ему, Гарри Дрездену. Имя его есть в «Желтых страницах»... Мир смертных на волосок от гибели. Этне, последняя из титанов, вместе с ее союзниками фоморами и древними великанами йотунами готова выполнить свой смертоносный план и для начала уничтожить Чикаго со всем его населением – смертными и бессмертными. Участники Неписаного договора объединяются и принимают вызов. Гарри Дрезден, конечно, с ними. Какое же поле боя без нашего бесстрашного чародея?.. Кроме заглавного романа, книгу дополняет рассказ «Сочельник». Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-25195-3

© Батчер Д., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Поле боя	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	44
Глава 8	52
Глава 9	60
Глава 10	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Джим Батчер

Архивы Дрездена: Поле боя. Сочельник

Jim Butcher

BATTLE GROUND

Copyright © 2020 by Jim Butcher

© А. С. Полошак, перевод, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024

Издательство Азбука®

Поле боя

Глава 1

Любой апокалипсис стартует в ведьмин час.

Вы уже в курсе.

Если подумать, это вполне естественно. По своей природе апокалипсис – событие злое и мрачное, так что собирать энергию для подобных дел правильнее всего самой глубокой ночью. Это темный, холодный, мертвый период между, скажем, двумя часами ночи и рассветом. У этого времени множество названий. Ведьмин час. Час волка. Ночная глушь. Продолжать можно до бесконечности. Свой вариант найдется у каждого.

Но все эти названия относятся к одному и тому же временному промежутку, когда вы, очнувшись от кошмара, садитесь в постели, покрытые испариной; когда просыпаетесь из страха перед будущим; когда смотрите на часы и заставляете себя уснуть, но понимаете, что сон не придет, а усталость и отчаяние свинцовыми дубинками колотят в дверцы разума.

Ведьмин час. Вот когда начинается апокалипсис.

И я мчался к нему на всех парах.

Старый катер Томаса – «Жучок-плавунец», потертый и потрепанный брат-близнец «Орки» из «Челюстей», тяжеловатый, чтобы весело прыгать по волнам озера Мичиган, – побульдожи упрямо тащился к погруженному во тьму Чикаго.

Ко мне в город вот-вот явится Враг с большой буквы «В», и между неведомой мощью фоморов под командованием обезумевшей богини, обладающей сверхъестественным супероружием, и примерно восемью миллионами людей, лишенных электричества и практически неспособных защитить себя, стоит лишь горстка сил, которую удалось наскрести нациям Неписаного договора.

Я рискнул скормить катеру чуть больше топлива, но древний мотор стал как-то нехорошо постанывать. Поэтому я стиснул зубы и сбавил ход. Допустим, двигатель откажет, катер застрянет посреди озера, словно пенопластовый стаканчик, и кого я тогда спасу?

Из каюты, прихрамывая, поднялась Мёрфи. Мой рост – шесть футов и восемь дюймов (или шесть и девять, в зависимости от обуви), а Мёрф, чтобы дотянуть до пяти футов, приходится надевать шерстяные носки. Поэтому я занимаю чуть больше места, чем она.

Как бы то ни было, Кэррин протиснулась в рубку и прижалась ко мне всем телом.

Я приобнял ее, на секунду закрыл глаза и выкинул из головы все мысли, стараясь прочувствовать физический контакт с женщиной, которую люблю. Конечно, португя и П-90 – Мёрфи владела им незаконно, но теперь это не имело никакого значения – добавляли ее фигуре чуть больше объема и острых углов, чем требуется для пробуждения романтического интереса, но, принимая во внимание все остальное, я не возражал. Кэррин была теплая, мягкая, напряженная, настороженная, и я доверял ей. Что бы ни случилось, эта настырная умница непременно меня прикроет.

«А еще она ранена, – с сомнением напомнил один из внутренних голосов. – И уязвима».

Заткнись, внутренний голос.

– Долго еще? – спросила Мёрфи.

– Будь в городе свет, мы уже видели бы очертания зданий на фоне неба, – ответил я. – Как там наши гости?

– Нервничают.

– И правильно делают. – Я посмотрел на нее сверху вниз. – Если что и случится, то возле берега, где фоморам правильнее всего разместить своих людей или кого-то, кто у них вместо людей. Так что предупреди остальных, чтобы готовились.

Мёрфи хмуро кивнула:

– Чуешь беду? По-моему, эта титанша...

– Этне, – подсказал я.

– Этне, – невозмутимо продолжила Мёрф, – говорила, что все начнется в ведьмин час. Но сейчас полночь.

– Для практикующих специалистов ведьмин час – это время между двумя и тремя часами ночи. К тому же одержимая местью богиня – не самый достоверный источник новостей для газетной передовицы, и сверять часы по ее словам я тоже не стал бы. Если не ошибаюсь, фоморы – морской народ, а коль скоро Этне надумала привести в Чикаго целую армию, разведчики и застрельщики уже на местах. Кроме того, в городе сейчас хватает созданий, выйти против которых на честный бой рискнул бы только круглый идиот. Пусть даже их застали врасплох и они не успели собрать войска.

– Наверное, полубогам чуждо понятие «честь», – съязвила Мёрфи.

Я промолчал.

Заинтригованная этой паузой, Мёрф внимательно посмотрела на меня:

– Даже острить не станешь? Все настолько плохо?

– Дело не только в том, что произойдет этой ночью, – покачал головой я. – Дело в значении этих событий. Легион сверхъестественных существ явится в город, чтобы уничтожить все живое. Выйдет Чикаго или падет, после битвы мир смертных изменится раз и навсегда. Все слишком серьезно. Столько смертей... Люди не смогут закрыть на это глаза. Что бы ни случилось сегодня ночью, мир... Он перестанет быть прежним. Точка.

Мёрфи глубоко задумалась. Наконец сказала:

– Мир постоянно меняется, Гарри. Вопрос лишь в том, в какую сторону.

– Допустим, – не стал спорить я. – Но представить не могу, как эта ночь может изменить его к лучшему. Противостояние между смертными и сверхъестественным миром... Скверно, Мёрф. Очень скверно. Для всех и каждого. – Я покачал головой. – А оно близится. Когда это произойдет? Понятия не имею, но в самом скором времени. Что бы ни случилось, все начинается прямо сейчас.

Она прильнула ко мне:

– Что нам делать?

– Будь я проклят, если знаю. Что делать? Все, что в наших силах.

Она кивнула. Снова взглянула на меня и посоветовала без тени иронии:

– В таком случае приведи голову в порядок. О противостоянии двух миров подумаешь завтра. Сегодня и без того хлопот невпроворот.

Я сделал глубокий вдох, закрыл глаза, выдохнул и отгородился от океанчика тревожных мыслей, чьи волны уже бурлили у меня в голове. Сам же говорил, что не способен предотвратить эту напасть и встречу ее лицом к лицу. Другими словами, разделяй и властвуй. Решай проблемы по мере поступления.

А сегодня ночью у меня и у всех остальных ровно одна забота.

– Надо защитить Чикаго, – решительно произнес я.

– Вот именно, – подтвердила Мёрфи. – Итак, каким образом мы это сделаем?

Я мотнул головой:

– Насколько я понимаю, наша главная проблема – Этне.

– Почему? – без обиняков спросила Мёрфи. – Да, она представляет серьезную угрозу, но титанша – единственная в своем роде. Раздвоиться она не способна.

– Почему? – переспросил я. И напомнил: – Потому, что у нее глаз Балора.

– Что за Балор?

– Король древних фоморов, – сказал я. – Заклятый враг туатов, а те, насколько я понимаю, нечто вроде протосидхе. В доисторические времена правили Ирландией. Согласно пророчеству, Балор должен был погибнуть от руки своего внука. Поэтому он заточил единственную дочь в Стекло́нной башне. На несколько тысяч лет.

– Этне, – предположила Мёрфи.

– Угадала с первой попытки.

– Тысячелетия за решеткой... Прямо-таки гарантия уравновешенности и здоровой психики, – заметила Мёрфи. – И что, Балор одолжил ей свой глаз?

– Вроде того. Один симпатичный туат по имени Киану прокрался в башню и обрюхатил Этне. В результате ее сын убил Балора, и тот скончался в страшных мучениях. Может, парнишка преподнес его глаз мамаше в качестве рождественского подарка. Не знаю...

– Что тебе об этом известно? – покосилась на меня Мёрфи.

– По большей части фольклор смертных, – покачал головой я. – Иначе говоря, попытка осмыслить историю посредством игры в «испорченный телефон». Но глаз Балора... Такого оружия мир не видел уже тысячи лет. Где бы ни собрались наши войска, этот глаз просто выжжет всех скопом. И коли я правильно понял, Этне практически неуязвима. Но если сидеть сложа руки, она – вернее, ее треклятый глаз – сотрет Чикаго с лица земли. В буквальном смысле.

– Как же ее победить, эту Этне? – спросила Мёрфи.

– Пес его знает, – ответил я. – Пока мы мотались на остров, Совет Старейшин собирал информацию. Может, нашлись какие-то варианты.

– Так вот зачем ты взял с собой кристалл, – поняла Мёрфи. – Думаешь заключить Этне в одну из камер Духоприюта?

– Думаю, что, если просто подойти к титанше и попробовать связать ее с помощью кристалла, она мне мозги наизнанку вывернет. – Я чуть было не положил ладонь на рукоятку атама, висевшего теперь на поясе. Честно говоря, лучше вообще о нем не думать. В мире хватает сущностей, способных улавливать мысли. – Допустим, можно сделать так, чтобы Этне выбилась из сил. Тогда, наверное, у меня появится шанс.

– Допустим... – проворчала Мёрфи. – Наверное... Сплошная неопределенность!

– Угу. – Я бросил на нее сердитый взгляд. – И это я еще оптимистично настроен.

– В таком случае пусть это будет план «Б».

– Бери ближе к концу алфавита, – посоветовал я. – Видишь ли, ситуация не похожа на обычную заварушку вроде тех, где я выступаю тяжеловесом. В этой весовой категории действуют такие персоны, по сравнению с которыми я середнячок, да и то не факт. Надеюсь... – Я снова покачал головой. – Надеюсь, у кого-то есть соображения получше моих.

Я инстинктивно насторожился и прикрыл дроссельную заслонку, чтобы уполовинить ход.

– Так. Мы уже близко. Если неприятности и начнутся, то между нами и берегом. Самое время предупредить остальных.

Мёрфи боднула меня в плечо, на мгновение прижалась ко мне и отпрянула:

– Уже иду.

Она осторожно ухромала обратно в каюту, а я еще сильнее прикрыл заслонку и вгляделся в ночь. Смотреть было не на что. Чуть южнее Ороры и на дальнем берегу озера от подбрюшья тяжелых туч отражался какой-то городской свет, но Чикаголенд окутывала крошечная тьма.

Разве что... не крошечная.

С такого расстояния я не видел огней.

На фоне чуть более светлого неба начали вырисовываться величественные, темные, безмолвные утесы домов. В окнах горели свечи, сотни свечей, одинокие светлячки во всей этой

тьме. На улицах наверняка развели множество костров, и на первых этажах зданий играли румяные тусклые отблески.

Я сбавил скорость до минимума. Благодаря ментальной связи с оставшимся позади Духо-приютом я неплохо чувствовал местоположение катера, но уверенность моя простиралась ярдов на сто, а управлять «Жучком» в темноте не так-то просто. Мне вовсе не хотелось пропустить вход в гавань и распороть брюхо катера о прибрежные камни.

В обычном случае я включил бы навигационные огни, но они вышли из строя, когда Последняя из титанов разомкнула иссеченные веки и магическая энергия глаза Балора проделала дыру в потолке практически нерушимой штаб-квартиры Общества Светлого Будущего, пробила крышу и полностью вырубил энергетическую систему Чикаго – в том числе электронику автомобилей, самолетов и электрическую сеть «Жучка-плавунца». Старинный дизельный движок пытел как ни в чем не бывало, но все остальные устройства не пережили суперпроклятия, наложенного глазом Балора. На носу и корме я закрепил химические светильники, но лишь для того, чтобы в нас никто не врезался. Хотя маловероятно, что той ночью озеро Мичиган бороздили другие катера.

Сквозь грязное стекло рулевой рубки я высматривал в сумраке тусклые пятна белой краски, маркирующие вход в гавань. Света на причале, конечно же, не было, а освещение, собственное восемнадцатому веку, не особенно содействует безопасному управлению катерами.

Ни с того ни с сего послышался хруст вкупе с протестующими взвизгами обшивки и судовых надстроек «Жучка-плавунца», и несколькими секундами позже малый ход катера сменился полной неподвижностью. Чтобы не упасть, я ухватился за приборную панель, а штурвал крутануло так внезапно, что я не успел отдернуть руку и рукоятки отбили мне все пальцы.

Я выскочил из рубки и увидел, как под аккомпанемент стонов деревянной обшивки катер клюет носом и заваливается на левый борт.

Из каюты появилась Мёрфи: на португее – химический светильник, у плеча – маленький автомат. Она оступилась, врезалась раненым плечом в переборку и охнула от боли, но все-таки выбралась на палубу и твердо встала на ноги, положив руку на рейлинг.

– Что такое, Гарри?!

– Сам не знаю! – крикнул я в ответ. Сунул руку под рубашку и высвободил цепочку с материнским пентаклем, древней серебряной вещицей с красным камнем в центре пятиконечной звезды. Прошептал нужное слово, сопроводил его легким усилием воли, и серебро засияло голубым чародейским огнем. Когда катер со скрежетом качнулся назад, я бросился на бак и поднял амулет, пытаясь хоть что-то разглядеть. – Похоже, мы сели на мель!

Однако, перешагнув через запутанный клубок линей, под носом катера я увидел лишь темную воду. Свет амулета отражался от пленочных и пластиковых рефлекторов на причале, впереди и чуть слева. На языке мореходов это вроде бы называется «по левому борту».

Мы по-прежнему находились на глубине.

Что за чертовщина?

Катер застонал, качнулся, и тут на меня обрушился запах – вернее, невыносимая воньдохлой рыбы.

О черт.

Я развернулся и поднял амулет, освещая клубок линей, через который только что перешагнул.

Веревки? Черта с два. Передо мной была резиноподобная, пульсирующая, живая конечность, красно-фиолетовое щупальце, покрытое кожистыми узелками, похожими на бородавки, окаймленное зубастыми присосками и, пожалуй, вполтину толще телеграфного столба.

Я не приказывал телу двигаться замедленно, как в кошмаре, но организм, видать, сам принял такое решение. Тихо-тихо вдоль щупальца, приклеившегося к палубе многими дюжи-

нами блюдечек-присосок, я пробрался к рейлингу – туда, где щупальце уходило за борт, в воду, к тучной массе, размером едва ли не превосходившей наш катер.

Щупальце изогнулось, изменило форму, и «Жучок-плавунец» с новым стоном завалился на правый борт.

Из вод озера Мичиган на меня уставился огромный тусклый глаз исполинского кальмара. Фоморы выпустили долбаного кракена.

– Звезды и ка... – начал было ругаться я, но тут из глубин вырвались новые щупальца, не два и не три, а пара десятков, и все эти треклятые отростки устремились прямиком к моей физиономии.

Глава 2

Щупальца. Вот и все, что запомнилось мне в следующие несколько секунд.

В основном щупальца.

Они ударили в лицо и грудь, и я ощутил себя так, словно меня прихлопнуло водяным матрасом. Я отлетел от рейлинга и растянулся на палубе, чувствуя, как мне стягивают лодыжки. Глянул вниз и увидел пару гибких щупальцев, обвивших мне ноги. Зубастые присоски искали точку приложения – пока что безрезультатно, поскольку костюм из паучьего шелка, армированный чарами Молли, достойно держал удар и цепкие челюсти оказались бессильны перед заколдованной тканью.

Затем третье щупальце, потоньше остальных, легло мне на лоб, и я прямо-таки почувствовал хруст, с которым десятки крошечных зубов впились мне в кожу до самого черепа.

Поверьте, от такого звука мигом запаникует кто угодно.

Я ударился обо что-то затылком, и из глаз посыпались искры, а затем мои ноги и голову стали тянуть в противоположных направлениях.

Я ухватился за обвившее голову щупальце, чтобы противодействие не позволило кракену свернуть мне шею, и в итоге оказался в довольно-таки неприятном подвешенном состоянии: меня разрывали две неодолимые противоположные силы, а я пытался при этом не отдать концы.

В общем, как всегда. Ничего, черт подери, нового.

Гарри Дрезден, профессиональный чародей. В данный момент я немного занят, иначе пожал бы вам руку.

Я дернулся всем телом. Невероятно могучее щупальце растянулось, будто резиновый жгут, слегка ослабило хватку, и я успел выдохнуть лаконичное заклинание:

– Infusiarus!

В правой ладони – так вышло, что именно ею я держался за щупальце, – зажглась золотисто-зеленая огненная сфера, яркая, будто крошечное солнце.

По всей видимости, чертов кракен не умел издавать никаких звуков, но он съежился и отпрянул от неожиданного источника огня, содрогаясь от боли, и «Жучок-плавунец» застонал и содрогнулся вместе с ним.

Присоски с удвоенной силой впились мне в голову, и я закричал, но мучения вмиг растворились в неопишемом статическом холоде, которым Зимняя мантия компенсирует почти все болевые ощущения. Хруст был невероятно громким – по крайней мере, для меня, поскольку скрежет зубов по черепу передавался непосредственно в слуховые косточки. По лицу, ушам и шее заструилась горячая кровь. Раны на коже головы кровоточат как черт знает что, а у меня их появились десятки.

Я снова вскрикнул, добавил чарам энергии, и мой шарик солнечного света засиял похлеще ацетиленовой горелки. Остро пахло паленым мясом, и прожженное щупальце лопнуло, а я упал на палубу и больно стукнулся локтями.

Мгновением позже щупальца, обвившие мне ноги, подбросили меня в воздух и зашвырнули в обжигающе холодные глубины озера Мичиган.

Упасть в такую воду – все равно что врезаться в ломкую бетонную плиту. Я успел сгруппироваться и немного смягчить удар, но из меня все равно выбило дух, и я начал погружаться в студеную тьму.

Нет ничего холоднее, чем холодная темная вода. Она... живая, будто хищник, и пьет телесное тепло с того самого момента, как ты начал тонуть. Стоит опуститься на пару футов, даже летом, – и у тебя начинается серьезный озноб, а если пойти ко дну, запросто потеряешь

голову из-за шокирующего холода и растущего давления в ушах, после чего утонешь в два счета, даже если твое утопление не входит в планы треклятого кракена.

Я лихорадочно искал варианты спасения. Как правило, вода и магия не сочетаются. Во многих отношениях вода считается наивысшим проявлением мира природы. Она восстанавливает равновесие, а чародеи только и делают, что сплошь и рядом нарушают баланс природных сил и естественные законы мироздания с помощью мыслей и чувств. Неспроста же одной из ордалий инквизиции было так называемое макание ведьм: погрузите чародея в воду, и ему потребуется изрядное везение, чтобы создать простейший волшебный огонь или искру статического электричества.

А это значило, что в схватке с гигантским кальмаром мой арсенал весьма ограничен.

С другой стороны – если кракен вообще соображает, что такое другая сторона, – где точно не стоит сражаться с Зимним Рыцарем, так это в холодной тьме.

Ведь я видел эту тварь в черной воде. Зрение мигом засекло фиолетовые и голубые оттенки биолюминесценции, такие тусклые, что не заметишь даже в менее затененной обстановке, и я с неприязнью вспомнил, каково это – смотреть сквозь иллюзию с помощью анти-магического снадобья. Только теперь все было наоборот. Может, на самом деле кракен не светился. Может, магическое зрение попросту раскрасило этот образ, сделав его более привычным для человеческого восприятия. Но я видел врага ясно как днем, даже здесь, в стылой темноте. Или быть может, благодаря этой стылой темноте.

Щупальца вертели меня так и сяк, новые отростки присасывались к спине и бедрам, и один обвил левую руку, а затем кракен потянул меня к себе.

Я заметил громадный безжизненный глаз размером с колпак автомобильного колеса, а на фоне светящегося тела разглядел обсидиановый профиль крючковатого клюва, способного перекусить меня пополам с той же легкостью, с которой секатор садовника срезает красивый цветок.

Что-то глухо булькнуло, и секундой позже воду рассекла еще одна фигура, нереальной скоростью и грацией напоминавшая не человеческое существо, а скорее морского котика.

На Ларе не было ничего, кроме черного спортивного белья. Неестественная бледность ее кожи едва не опалила мое магическое Зрение. Серебристые глаза сверкали по-кошачьи, а в руке у вампириши я заметил запасной кукри Томаса. Его Лара, несомненно, выудила из оружейного ящика в каюте. Она стрелой промчалась сквозь воду, схватила меня за лацканы плаща, а затем просунула чертовски холодную руку под мой ремень и для устойчивости уперлась ногой мне в бедро, после чего взмахнула ножом, с невообразимой силой и скоростью преодолевая сопротивление воды.

Кукри погрузился в бородавчатую шкуру, и кракена окружило облако стустков фиолетовой крови. Тварь неистово задергалась, и обшивка «Жучка-плавунца» взвыла благим матом, а Лара нырнула к моим ногам и заработала ножом со скоростью обезумевшего лесоруба, но каким-то образом ни разу меня не зацепила.

Не прошло и секунды, как давление на лодыжки ослабло, а затем кракен подтянул щупальца к телу, оставив на моих икрах с полдесятка глубоких ранок.

Крепко сжимая нож, Лара Рейт, некоронованная королева Белой Коллегии вампиров, пару секунд наблюдала за отступлением врага. Затем переместила хватку с моего ремня на подмышку, оттолкнулась от дна и потащила меня к поверхности.

Мы вырвались из воды, и я тут же набрал полную грудь драгоценного воздуха. Рукой, походившей на тонкий стальной брусок, Лара держала меня так, чтобы голова не погрузилась в воду.

– Вернись на борт, чародей, – сухо приказала она. Намокшие угольно-черные волосы прилипли к голове, уши заметно торчали, и от этого Лара почему-то выглядела лет на десять

моложе. Глаза ее сияли от ярости. – Я не допущу, чтобы мой брат навеки застрял на острове из-за того, что тебе, дураку, приспичило порезвиться с кракеном!

– По-твоему, это я виноват?! – возмущенно пробормотал я, плюясь озерной водой.

Что-то внезапно кашлянуло и зашипело, и по озеру разлился яркий свет: ярдах в двадцати от нас Мёрфи зажгла светильник на баке «Жучка-плавунца» и теперь стояла, подняв его повыше и всматриваясь в воду.

– Миз Мёрфи! – резко окликнула ее Лара.

Ослепленная химическим сиянием, Мёрф повернулась в нашу сторону, хотя ее поле зрения было ограничено пределами светового круга. Светильник она зажгла, чтобы обозначить местоположение катера, – как только сообразила, что я свалился за борт.

Воду взбудоражило какое-то движение.

– Быстро на борт! – Лара развернулась, взбрыкнула ногами, которые выглядели необычайно волнующими даже в нынешней ситуации, и юркой выдрой ушла на глубину, а я кое-как погреб к «Жучку-плавунцу».

На физическую форму я не жалуюсь, но плавание – не мой конек. Вспенивая воду, я понемногу приближался к борту катера. Мёрфи бросилась навстречу и крикнула:

– Сюда!

Из-за ящика, где хранились лини и канаты, выскочила стройная, грозного вида валькирия в черном тактическом костюме и с мотком веревки в руке. У Фрейдис коротко стриженные рыжие волосы, ярко-зеленые глаза, веснушки и множество боксерских шрамов. Она стремительно размотала линь и бросила один конец в мою сторону.

Веревка упала в футе от моей головы, и я ухватился за нее. Фрейдис начала подтягивать меня к катеру с такой силой, что из-за сопротивления воды линь едва не выскальзывал у меня из рук.

– Гарри! – завопила Мёрфи, указывая мне за спину.

Я обернулся и увидел, что меня догоняет раздвоенная волна. Под водой набирало скорость что-то массивное.

Я стал подтягиваться по веревке, но чем больше усилий прилагали мы с Фрейдис, тем активнее противодействовало нам озеро Мичиган.

– Гарри! – снова крикнула Мёрфи и бросила мне ослепительно-яркий морской светильник, и тот закувыркался в воздухе.

Сам я ни разу не акробат, хотя на зрительно-моторную координацию не жалуюсь. Я вытянул руку, но вместо того, чтобы поймать светильник, отбил его и отчаянным жестом подхватил на излете в тот самый миг, когда щупальца снова вгрызлись в меня и утащили под воду, где магниевое пламя вспыхнуло ярче прежнего.

При горении такие фонари разогреваются аж до двух с половиной тысяч градусов по Фаренгейту. Поэтому, когда я коснулся щупальца светильником, оно отпрянуло со скоростью лопнувшей резиновой ленты, и в то же время пиджак из паучьего шелка достиг предела прочности и разошелся, как папиросная бумага, оставив меня с обнаженным торсом, беззащитным перед зубастыми присосками.

Я опустил глаза и в толще темной воды разглядел кракена. Он был громадный. В жутких глазах-зеркала, отражавших химический свет, горела звериная самоуверенность. На секунду я завис над ним, не отводя взгляда...

...И почувствовал, как столь же мрачная и чудовищная уверенность переполняет мое сознание с таким напором, что в черепной коробке становится тесно.

То, что случилось дальше, какое-то время будет сниться мне по ночам. Глаза – это окна души. Пересекаясь с вами взглядом, чародей способен заглянуть в самые глубины вашего существа, и в ледяной воде озера Мичиган, в ослепительном кружке магниевых светов, я увидел душу кракена.

Духовзгляд – дело нешуточное. Все, что видишь, впечатывается в сознание. Этот образ никогда не потускнеет, и чувство благоговения или ужаса останется с тобой навсегда. Если узришь что-то действительно скверное, как в случае с наагло... – в общем, что-то действительно скверное, – с головой могут произойти самые жуткие вещи.

Толком не знаю, что я увидел в тот момент. Какой-то размытый поток странных нечеловеческих образов, почему-то вызывающих тошноту. Я чувствовал, как в воде плавают мои раскинутые щупальца. Чувствовал, как подобные мне существа извиваются в непристойных объятиях на дне океана, среди разрушенных колонн и древних статуй с изображением тварей, неким образом выходящих за пределы трех измерений. Эти ощущения заполнили мой разум, и они настолько отличались от всего известного людям, что охарактеризовать их можно лишь понятием «абсолютная боль».

Я услышал собственный вопль и почувствовал, как лицо щекочит пузырьки воздуха.

Но есть нюанс.

Когда в душу вам смотрит чародей, вы тоже заглядываете ему в душу. Видите его так же, как он видит вас. Перед духовзглядом расступается плутовская вуаль физического образа, и мир предстает таким, каков он есть на самом деле. Кракен уставился на меня, и по его телу шли мерцающие световые кольца, бородавчатая шкура съеживалась и покрывалась шипами, а щупальца свивались в тугие клубки.

Мой разум издал протестующий вопль. Я с трудом отвел взгляд, но та глубинная часть моего существа, чьи инстинкты наслаждались преимуществами Зимней мантии, осознала одну очень важную вещь.

Что бы ни разглядел кальмар, это привело его в ужас. Да и во мне что-то переменилось так внезапно, будто щелкнули выключателем.

Этот моллюск – вернее, не моллюск, а целый кракен – испугался меня.

Я был ошеломлен тем, что увидел, и он тоже.

Кальмар не заметил, как к нему подплыла Лара.

Она налетела на него сзади и снизу, рассекая воду с такой скоростью, будто за плечами у нее был реактивный ранец, и вонзила острейший кукри Томаса в бугристую плоть головы чудовища, после чего начала вскрывать ее изогнутым кончиком клинка.

Адские погремущки! Лара вознамерилась вырезать ему мозг!

Кракен забился и задергался, его кожа меняла то цвет, то текстуру, а щупальца извивались в поисках жертвы. Он обхватил Лару за бедра и стал мотать ею по воде так, что она выпустила нож. Как видно, зверюга надумала переломить ей хребет.

Кукри все еще торчал у него из задней части головы. Или тела. Понятия не имею, где у него что. По сути, весь кракен состоял из бородавок, щупальцев и хищного кусачего клюва. Игнорируя жжение в легких, я ринулся вниз. Разрез у Лары получился не такой уж длинный, дюймов двенадцать-пятнадцать.

Но его было более чем достаточно для магниевого светильника.

Я сунул фонарь в дряблую тушу. Рука ушла в нее по самый локоть.

И кракен окончательно сдурел.

Что-то ударило меня и отбросило фута на три-четыре. Не будь легкие совершенно пусты, из них вышибло бы остатки воздуха. Мутными глазами я смотрел, как Лара вырывается из объятий кракена. Наконец ее кожа засветилась, будто мраморная. Обеими руками Лара схватила подвернувшееся щупальце и разорвала пополам.

По воде растеклось кровавое пятно размером с плавательный бассейн.

Из этого облака вдруг вынырнули стремительные и грациозные силуэты, пробудившие в недрах моего сознания детский страх, который невозможно перерастить.

Акулы.

Тупорылые акулы-быки со стеклянным взглядом, не сулящим ничего хорошего. Из подводного мрака их появилось штук десять. Длина самой маленькой – футов двенадцать, и это как минимум.

Да ладно! Это против всяких правил!

«Кое-кто, – напомнил себе я, – хотя точно не помню, кто именно, только что говорил Мёрфи, что Этне и ее войска вовсе не намерены соблюдать никаких правил».

В воде бился агонизирующий кракен.

И акулы набросились на него.

Вы не представляете, какая заварилась каша. Колотили хвосты, сверкали зубы, до белков закатывались глаза. Древнейшие суперхищники планеты сошлись с монстром, выплывшим из ночных кошмаров безумца, и беспощадный результат этой встречи радовал мне душу.

Глаза Лары расширились, когда еще две пятнадцатифутовые акулы выскользнули из темноты и рванули в ее сторону, а между ними, держась за грудные плавники, рассекала озерные воды Зимняя Леди, заместительница Королевы Воздуха и Тьмы, а по совместительству – моя подруга Молли Карпентер. Весь вечер Молли выполняла обязанности Зимней Леди, но все равно, по доброй традиции фэйри, тайком прикрывала мне спину. Должно быть, маленький народец по ее приказу нес дежурство на пристани, дожидаясь нашего возвращения с Духоприюта.

В серферском гидрокостюме – темно-фиолетовые кольца и светло-зеленые полосы – Молли походила на чрезвычайно ядовитую морскую змею. Губы она растянула в безумной ухмылке, а серебристые волосы, мерцавшие в потустороннем свете, окутывали ее голову сверхъестественной аурой.

Вместе с акулами Молли атаковала кракена. В руке у нее был нож, и Зимняя Леди немедленно пустила его в дело, чтобы выручить Лару. Кальмар, однако, был парень не промах: разинув клюв, зверь набросился на одну из акул – ту, что поменьше. Кусь, хрясь – и пополам, ровненько, как громадными ножницами.

Сверху донесся всплеск, и на арене появилась стройная Фрейдис, летевшая сквозь воду почти так же грациозно, как Лара. Ловко работая ногами, она скользнула вниз, напрямик к ножу, торчавшему из головы кракена. Щупальца потянулись к ней, но Зимняя Леди взмахнула рукой, и полдюжины акул принялись терзать неугомонные отростки.

Тем временем Фрейдис ухватила за нож, а в другой руке у нее, черт возьми, я увидел гранату! Уже без чеки. Фрейдис сунула ее в то же отверстие, где не так давно обрел пристанище химический светильник. За плотью монстра я рассмотрел очертания ее руки и пальцев в сиянии магниевого огня. И рванулся к поверхности так быстро, как только мог. Осколки меня не волновали, но вода – несжимаемая жидкость, и в озере ударная волна причинит много больше вреда, чем на открытом пространстве. У любого, кто окажется поблизости, легкие превратятся в лепешку, а я не особенно понимал, где это – «поблизости».

Фрейдис презрительно оттолкнулась ногами от кракена и на удивление быстро догнала меня. Я оглянулся и увидел, как Молли, вцепившись в спинной плавник самой крупной акулы, несется прочь от раненого монстра. Лара держалась за ее ноги. От спортивного белья остались одни лохмотья, бледную кожу покрывали порезы и круглые отметины от присосок, из которых тонкими ручейками сочилась кровь чуть светлее человеческой, и все мы улепетывали со скоростью последних истребителей в конце первой серии «Звездных Войн».

Позади в толще кракена взорвалась граната, и примерно четверть головы подводной твари превратилась в приманку для рыб. Кожа кальмара вмиг побледнела, а щупальца уже не били по воде, а судорожно сжимались и разжимались. Оставив после себя облако крови и мясистых ошметков, тварь начала опускаться ко дну холодного озера.

Вывавшись на поверхность, я набрал полную грудь воздуха и закашлялся. После того как я заглянул в душу кракена, в голове царил полнейший кавардак. Как у пьяного, только в

сто раз хуже. Но воздух... какой же он был вкусный! Такой вкусный, что какое-то время я не мог надыхаться и лишь потом сообразил, что рядом на волнах покачивается Молли в обнимку с большой акулой.

– Подумать только! – сказала она. – Стоило на пять минут отвернуться, и ты уже по уши в проблемах.

– Да ну тебя, падаван, – пробурчал я.

Она ответила чрезвычайно зубастой улыбкой.

– Акулы? – спросил я. – Серьезно?

– Уже не первый год в озере находят выпавшие зубы тупорылых акул. – Она с любовью похлопала свою рыбину по спине. – Так что за последние десятилетия здесь развелась тьмущая этих сорванцов.

– Лара? – крикнул я.

– Здесь, – отозвалась она из-за спины.

Я оглянулся. Выглядела она кошмарно. Ничем не защищенная от кусачих присосок, Лара получила множество ран, однако светлые глаза ее блестели, как лезвие меча, и взгляд оставался совершенно спокойным. Держась на воде рядом с хозяйкой, Фрейдис помогала ей оставаться на плаву.

Я сделал пару гребков и спросил:

– Э-э, и как мы теперь вернемся на катер?

Вместо ответа рядом плюхнулся еще один линь. В свете химических огней появилась Мёрфи.

– Господи, ребята, нельзя ли потише? – негромко, но очень сердито осведомилась она. – Если на пристани засел снайпер с прицелом ночного видения, вас расстреляют, как в тире.

Она нашла меня взглядом, слегка расслабилась и фыркнула:

– Ну? Только не думайте, что я буду вас всех вытаскивать.

Совершенно измотанный, я начал подтягиваться к катеру, время от времени проверяя, все ли следуют за мной. Это потребовало чертовски больших усилий, но в конце концов я подтащил свою окровавленную задницу к «Жучку-плавунцу», уперся ногами в обшивку и стал взбираться на борт, словно Бэтмен в исполнении старины Адама Уэста¹, разве что не так ловко и с меньшим апломбом.

Наконец я перевалился через рейлинг и целую минуту пролежал на палубе без сил.

– Ты в норме? – тихо спросила Мёрфи, пока остальные проделывали тот же путь.

– Знаешь, что я тебе скажу, Мёрфи? – выдохнул я. – У меня дурное предчувствие по этому поводу.

– За себя говори, – возразила Мёрфи. – Я только что отдала валькирии последнюю гранату и приказала взорвать кракена, так что развлекаюсь на всю катушку!

Что ж...

С учетом обстоятельств добавить было нечего.

Мёрфи и Молли только что спасли нашу всеобщую шкуру.

Я на мгновение закрыл глаза.

Еще неизвестно, как пойдут дела в Чикаго, а я уже вымотался и весь в крови.

Похоже, ночь будет долгой.

---

¹ Адам Уэст – американский актер, исполнитель роли Бэтмена в одноименном телесериале 60-х гг.

Глава 3

В сопровождении Молли и ее эскадры акул я подвел «Жучка-плавунца» к пристани, привартовался, а когда привязывал последний линь, услышал хруст и увидел, как леденеет край причала. По самолично созданной ледяной лестнице Молли вышла из озера. Ее мокрые волосы вмиг заиндевели, а отстраненный взгляд был устремлен куда-то вдаль, в сторону города.

Я опустил сходню, кое-как подхромал к Зимней Леди и тихо спросил:

– Что видно?

– Призраки. Их там сотни, – ответила Молли. – Наверное, гонцы.

– Дело рук Марты Либерти, – сказал я. – Она поддерживает тесную связь с лоя². Видать, поручила им высматривать фоморов.

– Это еще не все, – прошептала Молли. – Там ангелы смерти...

Долгое мгновение она в настороженной тишине рассматривала город. Глаза ее казались безжизненными. Затем Молли вздрогнула.

– Что такое?

– Нам пора, – ответила она. – Надо вернуться в замок.

Я внимательно изучал ее отрешенное лицо.

На палубе «Жучка-плавунца» появилась Лара Рейт. После битвы от ее сменной одежды почти ничего не осталось, поэтому пришлось взять в каюте кое-что из запасных вещей Томаса: облегающие брюки, по виду кожаные, и безразмерную белую рубашку в стиле поэтов-байронистов, поскольку наш брат не брезговал классическими стереотипами. Бледную кожу рук – там, где она оставалась на виду, – покрывали неприятные темные синяки и круглые, по большей части затянувшиеся раны, причиненные громадным кальмаром.

– Не вздумай острить про хентай³, Дрезден, – предупредила Лара, перехватив мой взгляд, и кивнула Зимней Леди. – Спасибо за помощь.

– Я помогла не больше, чем обязана в рамках положения договора о взаимовыручке, – ответила Молли довольно-таки морозным тоном.

Какое-то время Лара изучала ее, а затем склонила голову к плечу:

– Ах да. Конечно.

По лицу Молли промелькнула тень холодного гнева. Раз – и нет ее.

Я поглядывал то на вампиршу, то на Зимнюю Леди.

Терпеть не могу оставаться в неведении.

– Необходимо согласовать действия с остальными участниками договора, – сказала Лара, обращаясь к Молли. – Чем быстрее, тем лучше.

– Я склоняюсь к тому же мнению.

– Угу, – сказал я. – Согласовывайте. А мне сперва надо кое-что сделать.

– Насколько я понимаю, – оторопела Лара, – сегодня ночью тебе, Дрезден, отведена немаловажная роль. И ты устроил так, чтобы я была заинтересована в твоём выживании. С учетом вышесказанного я не потерплю, чтобы ты в одиночестве разгуливал по городским улицам.

Тут я понял, что намечаются осложнения. Лара уже воспользовалась двумя услугами, которые задолжал ей Зимний двор. Но, как видно, еще одну она могла востребовать с самой Мэб, а если так, я вряд ли смогу ей отказать.

Не люблю, когда меня принуждают к благоразумию. Откровенная дерзость нравится мне куда сильнее, чем доводы, взывающие к рассудку.

– Эй, – сказал я, – ты это слышишь?

---

² Лоя – в культе вуду невидимые духи-посредники между богом и человеком.

³ Хентай – общепринятое за пределами Японии название аниме и манги с порнографическим содержанием.

Лара прислушалась:

– Что конкретно?

– Вот-вот, – подтвердил я. – Совершенно ничего. Сейчас едва за полночь, и время еще есть.

– Время? Для чего? – осведомилась Лара.

– Чтобы предупредить жителей Чикаго. Кто-то должен рассказать, что творится. Управляюсь за полчаса. Возражения не принимаются.

– Голод мне в глотку, Дрезден! – поморщилась Лара. – Неужели обязательно все усложнять?

– Усложнение – мой главный козырь, – заявил я.

– Без предупреждения не обойтись, – заметила Молли отстраненным тоном. – Прошу извинить, но кое-где требуется мое участие. Прямо сейчас.

Она шагнула вперед и скрылась за вуалью тумана и холодного ветра. Когда пелена развеялась, я не увидел ничего, кроме дощатой пристани. Проморгавшись, я сделал вид, будто именно такого поворота и ожидал последние минут десять.

Лара покачала головой:

– Раз так, не смею тебя задерживать. Выполняй приказ Зимней Леди.

Ага. Перед тем как уйти, Молли успела обеспечить меня весомым поводом исполнить задуманное.

– Это вполне приличное оправдание, – заметил я.

– Ты обязан выжить. Иначе я не смогу спасти брата. Поэтому мне будет спокойнее, если ты пойдешь не один.

– Один? Ничего подобного, – протопала по сходне Мёрфи.

Я оглянулся. Когда Мёрф в тактическом обвесе, по виду и не скажешь, что она еле ходит. Особенно если не знаешь, куда смотреть, а она стоит как вкопанная.

– Не сомневаюсь в вашей преданности Дрездену, миз Мёрфи, – сказала Лара, – но времени у нас в обрез. Чародея не следует обременять, а в данный момент ваши возможности несколько ограничены.

– Она меня не обременит, – возразил я. – Вам с Фрейдис пора вернуться в замок. Когда я уходил, Райли уже собирал людей. Тебе лучше присоединиться к ним.

– Хорошо, – согласилась Лара. – Не трать время попусту. Фоморы могут объявиться в любой момент.

– Надо же, за меня волнуется сама королева вампиров!

– Да, – с ядовитой улыбкой подтвердила Лара. – И мы обсудим это при первом же удобном случае. Фрейдис!

Валькирия вышла из каюты и грациозно прыгнула на причал. Лара кивнула и пробурчала:

– Удачи!

И тут же сорвалась с места. Фрейдис последовала за ней. Они бежали в почти полной тишине и через несколько секунд скрылись из виду.

Мёрфи медленно выдохнула:

– Слушай, Гарри...

– Ага?

– У меня все переломано, – искренне сказала она. – Говоришь, я тебя не обременю? Но каким образом?

– Ну это, – промычал я, – только не сердись...

Она вопросительно изогнула бровь.

Я бежал по разделительной полосе, толкая перед собой магазинную тележку, а сидевшая в ней Мёрфи обеими руками держалась за бортики.

– Расскажешь об этом хоть кому-нибудь, Дрезден, – предупредила она, – и я убью тебя. Не спеша. С помощью зубоврачебных инструментов.

– Да хватит тебе. – Я наклонился и чмокнул ее в затылок. – Будь пайнкой, и купим тебе конфету на кассе.

– Черт возьми, Дрезден!

Я усмехнулся, и в этот момент тележка подпрыгнула на выбоине. Мёрфи зашипела от боли, а я чуть не вздрогнул от сочувствия и решил, что впредь буду объезжать все ухабы, которые успею заметить.

Мёрфи, конечно, могла ходить, но с трудом, и у нее никак не получилось бы передвигаться с нужной скоростью, а на руках у меня ее трясло бы даже сильнее, чем в тележке. Поэтому оставалось лишь смириться с положением вещей.

На самом деле бежать было нетрудно. Заглохшие автомобили перекрывали путь для массивных транспортных средств, но у пешеходов, велосипедистов и долговязых чародеев с магазинными тележками оставалось вполне приличное пространство для маневра.

Сотрудники департамента полиции Чикаго высыпали на улицы в полном составе, при штурмовом параде и вооруженные до зубов. На каждом крупном перекрестке стояли по меньшей мере четверо патрульных, освещая пространство аварийными фонарями и кострами, разведенными в урнах для мусора. Нельзя сказать, что улицы стали менее темными или зловещими, но костры, что важнее всего, позволяли видеть стражей правопорядка. Той ночью, оглядевшись, вы толком не заметили бы ничего, кроме полицейских на каждом углу. Форма и жетон давали понять, что в городе по-прежнему действуют законы цивилизации, чьи границы находятся под неусыпной охраной.

Местами, однако, началось мародерство. Я заметил несколько разбитых витрин, хотя ожидал, что их окажется больше. Люди в форме рекомендовали прохожим идти домой – или, по крайней мере, не оставаться на улице, – и по пути мы примагнитили немало полицейских взглядов. Мёрфи велела мне остановиться, переговорила с парой знакомых копов и передала предупреждение бывшему начальству: мол, проблема относится к отделу специальных расследований, ситуация из разряда «свистать всех наверх», тактические группы быстрого реагирования пора привести в состояние боевой готовности сию же секунду, и какого черта вы еще здесь?

Дела не успели принять скверный оборот – по крайней мере, пока. Но в воздухе витало то, чего раньше не было, – тлетворный дух всеобщего ужаса, понемногу набиравшего обороты.

Люди начинали понимать, что в Чикаго творится какая-то жуть.

В свете костров, о котором уже сто лет как и думать забыли в человеческих городах, на зданиях виднелись глубокие зловещие тени, а переулки превращались в угольно-черные омуты. Вид полицейских должен был вселять уверенность, но, кроме того, предупреждал, что дело плохо и городским властям не до шуток. Те, кто оказался на улице – по большей части мужчины, – передвигались стремительно, компаниями по трое-четверо, храня тяжелое молчание.

Я чувствовал растущую тревогу. Всеобщий страх неизбежно действует на психику, и это давление растет: рано или поздно что-нибудь да взорвется.

Говорят, цивилизация – это тонкая драпировка на глыбе варварства.

Чикаго замер в ожидании первого звука рвущейся ткани.

В пабе Макэнелли оказалось... как всегда. Разве что многолюднее.

Заведение Мака находится в подвале офисного здания. Чтобы попасть внутрь, надо спуститься по бетонной лестнице, за которой обнаружится травмоопасное сочетание низких

потолков и широколопастных вентиляторов. Весь паб отделан мореным деревом. У изогнутой стойки расположены тринадцать табуретов, столиков для гостей тоже тринадцать, а на тринадцати деревянных колоннах вырезаны сценки, по большей части навеянные сказками братьев Гримм.

Как обычно, зал освещали фонари и свечи. Мак раскопегарил угольный гриль, где готовились разнообразные закуски. Эль тек рекой.

Когда мы вошли, пару секунд ничего не происходило, а затем возникшее у моих ног озерцо тишины стало расплзаться по залу. Все взгляды устремились на меня. Большинство из присутствующих знали, кто я такой.

Они стали перешептываться: «Гарри Дрезден. Чародей».

Я поправил ремешок захваченного с катера нейлонового рюкзака и громко сказал:

– Мак. В подсобку. На пару слов.

Мак, шестифутовый мужчина с внушительными кулаками и сияющим безволосым кум-полом, по обыкновению, был одет в свободные черные брюки, наглухо застегнутую рубашку и безупречно-белый передник. Мы давно дружили. Он взглянул на меня и кивнул на кладовку, где находился его кабинет.

Мы с Кэррин вошли, и я без лишних слов открыл рюкзак, достал деревянную табличку и осторожно положил ее на стол.

Мак широко раскрыл глаза и поднял на меня взгляд, полный благоговейного ужаса.

– Ты знаешь, что это такое, – сказал я.

Мак отступил от стола, поглядывая то на меня, то на табличку. Он не стал нервно облизывать губы, но ясно было, что мои слова ему не по нраву.

– Сегодня здесь полно ребят из Паранета, – продолжил я. – Потому что вчера мы разослали предупреждение и твой бар входит в число убежищ.

Мак решительно кивнул.

Пока хватало духу, я смотрел ему в глаза, а затем продолжил:

– Не исключено, что сегодня все они погибнут. Поэтому нужна твоя помощь.

Мак снова посмотрел на табличку и скроил недовольную гримасу.

– Мак, – тихо сказал я. – Далеко не каждый знает, что это за табличка. Просто кусок старой деревяшки, верно?

Он оскорбленно всплеснул руками.

– С минуты на минуту в Чикаго явится титанша, – объяснил я. – Приведет армию фоморов и сожжет город дотла. Все начнется примерно через час, так что кривляться некогда. Ну, ты с нами?

Какое-то время он хмуро смотрел на табличку, а затем отвел глаза.

– Мак, – не унимался я, – на размышления нет времени.

Я склонил голову, положил ладонь на лоб, коснулся висков двумя пальцами, большим и безымянным, и воззвал к чародейскому Зрению.

У этого мощного инструмента, воспринимающего энергию Вселенной, множество названий – от «сновидческого взора» до «третьего глаза», – но все они означают одно и то же – способность воспринимать движение магических сил. Зрение показывает, каковы вещи на самом деле, обнажая истинную суть людей, других существ и предметов, на которые вы смотрите.

В прошлом несколько Иных явились к Маку искать неприятностей.

И узнали его.

Я понятия не имел, кто такой Мак, но было ясно, что он не обычный владелец бара. Пора чуть лучше рассмотреть друг друга.

Но не успел я поднять взгляд, как Мак аккуратно накрыл мое лицо ладонью, чтобы я ничего не увидел.

– Не надо, – мягко произнес этот не самый разговорчивый человек. – Будет больно.

Он не убирал ладонь, пока я не отпустил энергию Зрения. Макэннели никак не мог этого знать, но все-таки знал, а стало быть, относился к весьма ограниченному числу существ, имевших прямую связь с божественным знанием. Так называемым интеллектусом. Вспоминая, как его называли Иные, я уже не задавался вопросом, кто такой Мак. Или кем он был в прошлом.

Он медленно опустил руку, а затем попятился, поджал губы, решительно взглянул на меня и покачал головой, после чего метнулся к шкафчику и достал компактный ящик с инструментами. Несколько движений, и в тыльной стороне таблички появились два самореза, соединенные куском проволоки.

– Что это? – спросила Мёрфи, наблюдая за действиями Мака.

– Табличка с распятия, – объяснил я. – Та, на которой значилось «Царь Иудейский».

– Из хранилища? – Ее золотистые брови поползли на лоб.

– Ага, – ответил я.

– В чем ее сила?

– Эта табличка – олицетворение заступничества. Она фокусирует энергию на индивидууме, и происходит что-то вроде перенесения совокупных грехов человечества на Иисуса Христа. Если повесить ее над дверью, сверхъестественные силы не сумеют переступить порог, покуда жив полноправный хозяин дома.

Мак вынул из кармана складной нож, раскрыл его и уколол большой палец. Выступила капля крови.

– Значит, все, кто находится здесь, будут в безопасности, – заключила Кэррин.

Промедлив секунду, Мак с глубоким вздохом прижал палец к тыльной стороне таблички и размазал кровь по дереву.

– Кто бы ни пришел в этот дом, сперва ему придется убить хозяина, – негромко объяснил я.

Мак взял гвоздь и молоток, сунул табличку под мышку и ушел. Вскоре мы услышали характерный стук. Я повернулся к Мёрфи:

– Здесь наши пути расходятся.

– Гарри... – оторопела она, и глаза ее предостерегающе сверкнули.

– Поскольку ты будешь мне в тягость, – безжалостно продолжил я.

Глаза Кэррин вспыхнули ярче прежнего, засияли и наполнились слезами.

– Проклятье! – Она отвела взгляд.

Ударь я ее наотмашь, причинил бы куда меньше боли.

– В зале Уилл и Альфы. – Я со вздохом положил руку ей на плечо. – Послушай. Мне надо действовать заодно с Советом. Участникам договора нет дела до обычных людей, но кому-то надо за ними присмотреть. Я хочу, чтобы ты возглавила Альф и ребят из Паранета. Пусть защитят друг друга и всех, кто окажется в беде.

– Ты хочешь, чтобы я отсиделась в безопасном месте! – вскинулась она.

– Будь это так, оставил бы тебя на острове, – возразил я. – Ты ранена. Черт побери, Кэррин! Ты же взрослый человек. Начинается война, и ты должна быть там, где принесешь максимум пользы.

– И где не стану отвлекать тебя от дел, – добавила она.

Я со вздохом провел ладонью по лицу:

– Будь в моих силах исцелить твои раны, я бы так и сделал. Но суть в том, что ты попросту не способна держать нужный темп. Вот, собственно, и все.

– Да пошел ты со своим темпом... – Голос Мёрфи сорвался. Она отвернулась и бессильно прошептала: – Проклятье.

– Присмотри за людьми. – Я снова коснулся ее плеча. – Ты одна из немногих, кому я доверил бы такое дело.

Не глядя на меня, она мрачно кивнула.

Затем развернулась, схватила меня за грудки, притянула к себе, и ее жаркий поцелуй был сладким, отчаянным и ненасытным.

Наконец Мёрф разжала руки. Чтобы открыть глаза и распрямиться, я потратил не меньше секунды.

– Гарри... – сказала она.

– «Берегись злой титанши»? – подсказал я, и она едва заметно улыбнулась.

– Это не в твоём стиле. – Мёрф схватила меня за руку. В ее глазах загорелся жесткий огонек. – Надери ей задницу, понял?

Глава 4

На выходе из офиса мы обнаружили, что в зале тихо. Все смотрели на меня и Мёрфи. Я привык, что посетители этого паба втайне бросают на меня косые взгляды, но у Мака редко бывает так многолюдно, и теперешний избыток внимания действовал мне на нервы.

Мы постояли пару секунд, а затем Мёрфи потыкала меня в бок и шепнула:

– Скажи что-нибудь.

– Что именно? – спросил я.

– Им страшно, – тихо объяснила Мёрфи. – Они знают, что ты обладаешь чародейской силой, и предпочтут услышать новости не от кого-то, а от тебя.

Я обвел глазами полный зал встревоженных лиц.

Здесь были чикагские оборотни-виджиланте, Энди и Марси, а с ними Уилл и Джорджия Борден. Странная пара. Уилл – пять с половиной футов роста и две сотни фунтов мышечной массы, а Джорджия ростом футов шесть и выглядит так, будто целую неделю бежала марафон. В тот вечер на всех четверых была свободная одежда, от которой легко избавиться.

Городские улицы готовились погрузиться в хаос, и, если оценивать собравшихся в баре, шанс выжить имелся только у оборотней.

Рядом с ними расположился Орден Котла, ведьмы-домохозяйки, недостаточно сильные, чтобы пробудить любопытство организаций вроде Белого Совета, но уже прошедшие боевое крещение. Они предоставляли безопасные квартиры, защищенные по чародейским стандартам. Здесь напрашивается аналогия с «возведением амбара»⁴: действуя в унисон, десятки слабых магов способны выдать впечатляющий результат.

Остальные же – обычные люди, недостаточно могущественные, но отчасти талантливые или попавшие в сверхъестественное сообщество по стечению обстоятельств. Здесь, черт возьми, был даже Артемис Бок. Он сидел, понутив голову, и не смотрел на меня, поскольку пару лет назад раз и навсегда выставил некоего Гарри Дрездена из своей букинистической лавки.

Господи... Теперь это казалось сущей мелочью.

Я протиснулся мимо Артемиса, ободряюще хлопнув его по плечу, встал в центре зала и заговорил:

– Всем привет. Пожалуй, вы меня знаете, но на всякий случай представлюсь: Гарри Дрезден, чародей Белого Совета.

Во всяком случае, на данный момент это так. Я сделал глубокий вдох и продолжил:

– Времени у нас немного, поэтому выложу все начистоту. В Чикаго вот-вот начнется апокалипсис.

Ответом мне стали потрясенные взгляды и гробовая тишина. Мёрфи снова ткнула меня локтем под ребра.

– Апокалипсис с маленькой буквы «а», – поправился я и пояснил: – Фоморы, эти сволочи и похитители детей, идут на нас войной и намерены перебить всех горожан.

Снова мертвая тишина – такая, что звук иголки, упавшей в стог сена, показался бы оглушительным грохотом.

– И что нам делать? – спросила Джорджия в этой бесконечной пустоте. – Что мы вообще можем сделать?

Остальные стали нервно перешептываться.

---

⁴ «Возведение амбара» – распространенная в XVIII–XIX вв. практика в сельских областях Северной Америки, когда массовое сооружение строили всем сообществом.

– Вы не одни, – без промедления ответил я. – Против фоморов собираются внушительные силы. На бой выйдут существа, о которых вы читали в сказках. Но это значит, что на улицах начнется сущий ад.

Я шумно выдохнул и запустил пальцы в шевелюру.

– В общем, так, народ. Серый волк уже стучится в дверь. Поэтому, если вы планировали взять урок рукопашного боя или подумывали научиться стрелять, сейчас уже поздно. Вариантов у вас ровно три. – Я поднял палец. – Можно бежать, но за вами пустятся в погоню. – Следующий палец. – Можно спрятаться, но вас будут искать. – Я сжал кулак. – Или можно драться. Потому что вас хотят убить.

Я указал на Уилла и Альф:

– Эти ребята готовы к бою, и у них есть шанс выжить. Но диванные воины для нас бесполезны. Тем, кто не способен победить в драке Уилла и его стаю, на улице рассчитывать не на что. Думаю, безопасные места вроде этого бара падут последними. Но они непременно падут, если враг возьмет Чикаго. Поэтому делайте выбор. Бегите, прячьтесь или сражайтесь, но помните, что при любом раскладе вас могут прикончить.

– Господи Иисусе, – прошептал кто-то.

Чей-то ребенок захныкал, и на него шикнули.

– А как же армия? – тихо спросил Бок.

– Военных здесь будет предостаточно. Но это утром. – Я покачал головой. – В то время как передовые части вражеских сил уже в городе.

Нервные перешептывания возобновились.

– Мне очень жаль, ребята, – сказал я в пространство, окутанное тусклой аурой страха, – но так уж обстоят дела. Делайте выбор и держитесь принятых решений. Любые сомнения играют против вас.

Я указал на Мёрф:

– Всем вам известно, кто такая Кэррин Мёрфи. Она займется координацией обороны. Что скажешь, Уилл? Вас это устраивает?

Не совещаясь с Альфами, Уилл кивнул:

– Более чем.

– Спасибо, – искренне сказал я.

Джорджия внимательно смотрела на Мёрфи. Женщины обменялись взглядами, значения которых я не понял.

– Конечно, Гарри. Сделаем все, что в наших силах.

– Мак, ты не против?

Не поднимая глаз, Мак протирает пивную кружку безупречно-белой тряпочкой. Молчание – знак согласия.

– Отлично, – сказал я. – Мне пора. У входа стоит велосипед на тротуаре. Чей?

Зал погрузился в глубокую тишину.

– Ой, да ладно вам, ребята, – жалобно попросил я. – О нарушении законов магии речь не идет. Просто мне очень нужны колеса. Чтобы спасти город, а также по ряду других причин.

В дальнем углу зала поднялась рука.

– Это мой велосипед, – сказал с восточноевропейским акцентом тощий паренек в солнцезащитных очках и толстовке с поднятым капюшоном.

Я покосился на него:

– Гэри?

Чокнутый-но-по-делу Гэри, парень из Паранета, нахохлился так, что стал похож на мультишного грифа, а узкие плечи едва не сшибли с его носа темные очки.

– Господи, Дрезден! – Теперь он говорил как обычный житель Среднего Запада. – Тебе осталось только взять и громко представить меня всем на свете!

Какое-то время я смотрел на него, а затем спросил:

– Ребята, кто из вас знал, что этот парень – Гэри?

Примерно восемьдесят процентов присутствующих, включая Мака и Мёрфи, подняли руки, и Гэри окончательно сник.

– Ты среди друзей, чувак, – сказал я. – Не удивляйся, что все тебя знают.

Гэри с подозрением посмотрел на меня поверх солнечных очков.

– Можно одолжить твой велик?

– Бери. – Он пожал плечами и бросил мне ключ.

Я поймал его на лету и оттого почувствовал себя невероятно крутым, после чего обратился ко всем присутствующим:

– Сегодня, детишки, ожидается скверная ночь. Я вам не отец, но, если хотите дожить до рассвета, выполняйте приказы миз Мёрфи.

– Первым делом нам понадобится санитарная зона, – сказала та, обращаясь к Уиллу. – Как ни крути, будут раненые.

– Джорджия, займись, – велел Уилл. – Марси, Энди, пойдете со мной в аптеку. Надо кое-чем закупиться.

Оборотни взялись за дело как укушенные, хе-хе. Хорошие ребята эти Альфы.

Интересно, кто из них доживет до утра.

У Джорджии с Уиллом есть ребенок.

Я встрахнулся. Да, очень страшно за них, ведь они мои друзья, но... если стоять, бояться, переживать и ничего не делать – какая, спрашивается, от меня польза?

Чтобы помочь мирным жителям, разумнее будет объединить усилия с войсками Неписаного договора и нанести полновесный удар по наступающему врагу. Белый Совет умеет бить сильнее всех на планете. Я своими глазами видел, как старейшины разбирались с небольшими армиями, сходились врукопашную с архидемонами-перевертышами и сбивали орбитальные спутники так, что те падали на головы врагов, уничтожая их десятками, если не сотнями.

И – адские погремушки! – мое место было среди них.

По сравнению с любым старейшиной я все равно что деревенский дурачок с кувалдой из отцовской кузни против мастера меча Исина⁵, однако опыт подсказывал, что как ни ловок и грациозен твой враг, а удар кувалдой по голове – весьма серьезный аргумент.

Я подбросил на ладони привезенный с Духоприюта связующий кристалл и сунул его в изодранный карман пиджака.

Пора найти себе применение.

Но не здесь. Я не мог присмотреть за друзьями. И не в моих силах обеспечить им защиту. Оставалось надеяться, что знания, которыми я поделился, и сообщество, которое я помог создать, помогут им пережить эту ночь.

Знания, сообщество... и еще артефакт, в буквальном смысле лежавший на одной полке со святым Граалем и останками бывшего ангела.

И ритуальный нож на левом бедре – вот он, тихо гудит от прилива энергии.

«Не тyani, Дрезден».

Я обменялся последним взглядом с Кэррин, вышел на улицу, отомкнул красный велосипед Гэри, врубил двенадцатую скорость и помчался сквозь ночь.

Вот это кайф.

Да, я мог бы бежать на своих двоих, но...

Кардионагрузки – это хорошо, но не настолько же!

Парой кварталов позже я услышал возглас:

---

⁵ Исин, мастер меча, – один из боссов видеоигры «Sekiro».

– Вот он!

И второй голос:

– Дрезден! Стоять! Департамент полиции Чикаго!

Секунду-другую я медлил, подумывая проигнорировать этот приказ... но если допустить, что сегодня мы победим, завтра город останется на месте, и мне придется иметь дело с законом. Черт возьми, я хотел устроить Мэгги в нормальную школу. Куда ее никогда не приняли бы, если бы папаша, к примеру, находится под следствием.

Поэтому я зажал рукоятку тормоза, и велик с заносом остановился во тьме меж двух блокпостов. Я сидел в седле и нетерпеливо ждал. Судя по звуку шагов, ко мне приближались двое. Один – повыше и тощий, другой – пониже и кряжистый. Первый дышал тяжелее второго.

– Детектив Рудольф, – сказал я. – Детектив Брэдли. У вас вечерняя пробежка?

– Шел бы ты... – начал Рудольф, едва дыша, но Брэдли ткнул его в бок:

– Переведите дух, сэр.

– Брэдли! – охнул Рудольф. – Что за хрень?

Детектив Брэдли, обладавший телосложением броневика и руками гориллы, повернулся к Рудольфу и указал в его сторону пальцем. Только и всего. Без единого слова.

И Рудольф, по обыкновению красавчик, даже с поправкой на порнографические усы, немедленно сдуслся.

Брэдли еще немного постоял с оттопыренным пальцем, а затем кивнул и повернулся ко мне:

– Простите, мистер Дрезден. Лейтенант Столлингс пригласил вас на совещание.

– Ничем не могу помочь, – отозвался я. – И советую поискать надежное укрытие. Вы что, не получили сообщение Мёрфи?

– Получили, – признал Брэдли. – Но позволю себе напомнить, что сейчас она в немилости.

– А все из-за вас, тупиц, – буркнул я. На девяносто девять процентов в адрес Рудольфа. – Передайте Столлингсу мой экспертный совет: пусть, черт побери, прислушается к каждому ее слову.

– Так я и знал, – сказал Рудольф, обращаясь к Брэдли. – Речь идет о теракте, и в нем замешан Дрезден.

Я – в грязном, мокром, изодранном костюме, от которого до сих пор воняло дохлой рыбой, и на позаимствованном двенадцатискоростном велосипеде – уставился на него и проговорил:

– Ага. Вот он я, Усама бен Ладен. Адские погремушки, разве не видно, что мне некогда?!

– Вам следует пройти с нами, сэр, – произнес Брэдли.

Он не шутил. Поза его осталась прежней, но тембр голоса изменился самым недвусмысленным образом.

– Брэдли, – начал я, не слезая с велосипеда. – Я прекрасно понимаю, что вы при исполнении. Но поверьте, ваши действия могут причинить страшный вред. Всем без исключения.

– Мистер Дрезден, – сказал Брэдли, – в прошлом вы принесли департаменту немало пользы. И уже знаете, как все устроено. Просто смиритесь. Вас отпустят через пару часов.

– Нет у меня этой пары часов, – объяснил я, а поскольку тоже не намеревался скрывать своих намерений, твердо уставился на него и добавил: – Ни у кого их нет.

Когда я делаю такие страшные глаза, люди обычно отворачиваются.

Брэдли не отвернулся.

Говорят, что глаза – зеркало души. И правильно говорят. Сколько надо времени, чтобы заглянуть в душу? У всех по-разному, но почти нисколько, если человек на взводе. Мы же стояли посреди города, где на взводе был не один человек, а миллионы. В общем, для подобной связи обстановка была самая благоприятная.

Поэтому я почти мгновенно увидел настоящего Брэдли – не простого парня в скромном костюме, а громадный дуб с такой раскидистой кроной, что он казался квадратным и своей тенью накрывал куда больше пространства, чем занимал физически.

Не требовалось быть гением, чтобы понять: сейчас я видел характер этого человека и невозмутимое чувство ответственности, с которым Брэдли нес бремя полицейской службы. Это вовсе не значило, что он неподкупен, – но, как любое крепкое дерево, он не прогнется под натиском обстоятельств, если только не заработает травму или душевный недуг. Его образ навалился на меня с поистине океанской силой. Так бывает, когда нахлынувшая волна сшибает вас с ног. Пытаясь разорвать эту связь, я едва не грохнулся с велосипеда.

Вы спросите, как выглядит сам Гарри Дрезден, когда ему заглядывают в душу? Понятия не имею. Единственными зеркалами души являются окружающие нас люди, и те, в ком мне довелось отразиться, реагировали на увиденное не лучшим образом.

Брэдли приглушенно вскрикнул, пошатнулся и отступил. Споткнулся и упал, неловко приземлившись на локти, и, похоже, растянул шею. Пару секунд он просто лежал, тяжело дыша.

– Что за хрень?! – Отбросив полу пиджака, Рудольф схватился за пистолет. – Что за хрень ты с ним сотворил, Дрезден?!

На всякий случай я вытряхнул из-под рукава защитный браслет:

– Ничего особенного. Через минутку очухается.

– Что ты с ним сделал? – Рудольф выхватил пистолет и прицелился в меня. Судя по голосу, он был в панике.

А его палец – на спусковом крючке.

Рудольф – один из тех блаженных идиотов, считающих, что всему на свете можно найти рациональное объяснение. За время работы в отделе специальных расследований он из раза в раз сталкивался с самыми что ни на есть сверхъестественными вещами, но каким-то образом оставался невосприимчив к реальности. Как минимум, по внешним признакам. Наверное, эта особенность помогала писать безупречные рапорты, где паранормальная активность сводилась к наименьшему общему знаменателю и прекраснейшим образом укладывалась в рамки общепринятых категорий.

Дураком Рудольф не был. По-настоящему тупой человек не сумел бы сделать карьеру следователя и лстивого политика. За свойственным ему отрицанием стояла не столько реакция рассудка, сколько полное отсутствие морального мужества и парализующая неспособность посмотреть в глаза истине, которую Рудольф находил кошмарной.

Другими словами, он был трусом.

– Стрелковая дисциплина, детектив, – тихо напомнил я, не двигаясь с места. – Я недостаточно близко, чтобы представлять реальную угрозу, и вдобавок сижу на треклятом велосипеде, так что класть палец на спусковой крючок совсем необязательно.

– Заткнись на хрен! – рявкнул он, слегка поежившись на бранном слове. – Руки вверх! Медленно и аккуратно!

Его голос полнился агрессией, и Зимней мантии это не понравилось. Или, наоборот, понравилось сверх всякой меры. Слепой инстинкт подсказывал, что пора рискнуть, броситься к этому голосистому балбесу и свернуть его тощую куриную шею. Но это было бы невежливо.

Поэтому я без резких движений выполнил приказ, хотя торопился и вдобавок кипел от растущего гнева. Адские погребушки! Если мешанская бюрократия иногда и уместна, то явно не этой ночью.

Хотя... Быть может, дело не в бюрократии.

Мы не сомневались, что с некоторых пор Рудольф получает зарплату не только в департаменте полиции Чикаго. Что, если ему велели задержать меня и обездвигить до самого утра?

Или навсегда?

А происшествие с духовзглядом и Брэдли обеспечило ему удобное оправдание.

Пускай Рудольф чей-то прихвостень, но трус есть трус, к тому же напуганный, и, если я выставлю щит или попробую повернуть какой-то из стандартных фокусов, этот парень, недолго думая, спустит курок. И с такого расстояния он не промахнется. В первозданном виде мой костюм, пожалуй, остановил бы пули, ведь портные-фэйри считают пуленепробиваемость важнейшей особенностью своих изделий, но местами кракен порвал одежду на лоскуты. К тому же нельзя исключать, что Рудольф попадет мне в голову или шею, или пуля залетит в рукав, или случится еще какая-нибудь неприятность. А пока я буду ставить защиту, он успеет выстрелить трижды, если не четырежды.

Рискнуть я, конечно, могу. Но на самом деле проблема состояла не в Рудольфе.

Проблема в том, что я окажу открытое сопротивление сотруднику департамента полиции Чикаго, исполняющему должностные обязанности. Как только Рудольф откроет огонь, мне придется, по меньшей мере, разоружить его. Затем дело может принять по-настоящему скверный оборот, причем в мгновение ока, а числиться в розыске мне как-то не хотелось.

Разве что я убью их обоих.

Вокруг было темно. Ни уличных камер, ни надежды на быстрое подкрепление. Игра по старым добрым правилам, как подсказывала Зимняя мантия. Рудольф вконец оборзел. Брэдли, конечно, жаль. Он производит впечатление порядочного парня, но, если рассудить логически, у меня имеется примерно восемь миллионов причин покончить с этой парочкой и заняться обороной города. Может, Рудольф работает на фоморов и пытается обезвредить одного из чикагских тяжеловесов... Ладно, середнячков, но тем не менее. Как знать?

Эти двое не смогут меня остановить, если только Рудольфу не повезет с первым выстрелом, а в реальных условиях такое бывает куда реже, чем кажется.

«Убей», – кровожадно шептал внутренний голос.

На секунду я закрыл глаза. Может, не стоило брать велосипед? По всей видимости, Зимняя мантия реагировала на пропитанный страхом воздух, чуяла, что в городе полно вкуснейшей добычи, уже дрожащей от страха, и голодным зверем рыскала по клетке, которую я выстроил у себя в голове.

«Нет, – ответил я внутреннему голосу. – Решать проблемы, убивая всех подряд, не так просто, как кажется. Чтобы выжить, надо вести себя скромнее».

Я не стал утруждать себя спорами насчет «хорошо» и «плохо». Такие концепции недоступны пониманию магического конструкта.

При условии, что я беседовал с Зимней мантией, а не... Ну, вы поняли. Сам с собой. Упс...

Не опуская рук, я открыл глаза:

– Рудольф, дружище, сейчас самое неподходящее время...

– Заткнись! – крикнул он. – Еще одно слово – и я буду стрелять!

Я стиснул зубы и приготовил щит. Проклятье! Если этот болван откроет огонь, придется рискнуть, поднять защитный барьер и дать деру. Брэдли с Рудольфом бросятся вдогонку, но скоро непременно отстанут. Черт! Чтобы выставить защиту, потребуется где-то около секунды. Я решил, что метнусь в другую сторону, чтобы велосипед остался между мной и полицейскими. В темноте Рудольф провозится пару секунд, прежде чем засечет меня и прицелится. Быть может, я успею поднять щит еще до первого выстрела.

В тени что-то мелькнуло. Почти незаметно.

За спиной у Рудольфа я увидел сияющие огоньки. Одна, две, три, четыре пары глаз приближались к нам в ночи, двигаясь над самой землей и периодически исчезая там, где потемнее.

Затем раздался хор гортанных волчьих рыков, внезапно и со всех сторон.

Глаза Рудольфа сделались совершенно круглыми. Он нервно дернулся вбок, взгляд его метался влево-вправо.

– Что это было?

Я замычал, не открывая рта, не двигая подбородком и покачивая поднятыми руками. Наконец выговорил:

– Масленку мне, масленку!

– Проклятье, Дрезден! – взвизгнул Рудольф. – Отвечай!

– Это волки, Руди, – сказал я. – Самые обыкновенные лесные волки. Они находились неподалеку, и они мои друзья.

Рычание сделалось громче. Уилл и Альфы знакомы с уличной жизнью не понаслышке. Они умеют выживать, сражаться, побеждать и при необходимости наводить страх на окружающих.

Вы когда-нибудь слышали рык разгневанных волков? Не сказал бы, что этот звук способствует релаксации.

– Видал, как волк разбирается с бычьими мослами? – спросил я. – Впечатляющее зрелище. А по сравнению с ними человеческие кости все равно что жареная кукуруза.

– В центре Чикаго не бывает никаких волков! – возопил Рудольф, надежно отгородившийся от реальности. – Это все твои фокусы!

– Строго говоря, ты прав, – ответил я. – Это не волки, а оборотни. Но насчет фокусов ты погорячился.

Рудольф издал пронзительный писк. Так скрипят замерзшие дверные петли.

Откуда-то снизу донесся стон:

– Иисус, Мария и Иосиф! Рудольф, придурок, что ты творишь?

Рудольф тут же перевел взгляд на Брэдли.

Именно такого момента я и ждал. Я направил волю в защитный браслет на левом запястье, поднял руку повыше и прошептал:

– Defendarius.

Когда Рудольф снова взглянул на меня, между нами мерцала светопрозрачная полусфера. Щит искажал образы, и Рудольф теперь выглядел не таким рослым и поджарым. Пистолет у него в руке задрожал, но каким-то чудом не выстрелил.

– Черт возьми, что тут происходит? – проблеял Рудольф.

Брэдли поднялся на ноги. Вид у него был ошарашенный и весьма недовольный. Первым делом Брэдли с тревожным любопытством уставился на мой щит и легонько потряс головой. Затем повернулся к Рудольфу, осторожно положил руку ему на предплечье и надавил, заставляя опустить пистолет.

– Какого хрена? – Рудольф попытался стряхнуть его ладонь.

– Такого, что твоя жалкая карьера висит на волоске. – Брэдли надавил чуть сильнее.

Этот кубический парень был сильнее полудюжины Рудольфов. После недолгого сопротивления уса́тый щеголь сдался и опустил пистолет.

Посмотрев на меня, Брэдли обратил взгляд во тьму, где не прекращались порывкивания.

– Отзови их, Дрезден.

Я взглянул на Брэдли и крикнул:

– Ладно, ребята, спасибо! Похоже, у нас наладился диалог.

Рычание стихло. Наступила тишина. Я не сомневался, что Альфы отступили, да и заметил их только потому, что они сами захотели показаться.

Как я и говорил, хорошие ребята. А в образе волков еще лучше.

– Убери пушку, – велел Брэдли. – Прямо сейчас.

Рудольф бросил на него свирепый взгляд, но послушался. Я опустил левую руку и расслабился, позволив щиту померкнуть, и мы остались в сумраке, где виднелись только силуэты, пока наши глаза не привыкли к новому освещению.

– Я опишу это в рапорте, Брэдли, – предупредил Рудольф.

– Вперед, – равнодушно ответил тот. Я с трудом различал Брэдли, но понимал, что он внимательно смотрит на меня. – Я тоже умею писать. А вы только что направили оружие на гражданского без всякой причины.

– На чьей ты стороне? – прошипел Рудольф.

– Дрезден торопится, – напомнил Брэдли.

– Чего? – оторопел Рудольф.

– Не глупите, – хмуро посоветовал Брэдли. – При желании он перешагнул бы через наши трупы. Вам повезло, что остались живы. А насчет стрелковой дисциплины... Она у вас неважная.

Красавчик Рудольф выругался и зашагал прочь.

Я проводил его взглядом, а затем посмотрел на Брэдли и протянул ему руку:

– Спасибо. И приношу свои извинения.

– Даже близко ко мне не подходите. – Брэдли поежился, отступил на полшага и кивнул на велосипед. – Езжайте по своим делам. Но держитесь от меня подальше.

Я же говорил. Единственные наши зеркала – это другие люди.

Какое-то время я грустно смотрел на темный силуэт Брэдли. Но недолго. Близился ведьмин час.

А вместе с ним приближалась титанша.

Так что я приналег на педали.

Глава 5

К замку Марконе, приземистому каменному зданию с башенками по углам, я подкатил в половине первого. В старинных держателях над бойницами горели самые настоящие факелы. На стенах дежурили стражники в броне – кто в современной, кто в классической. Из бесполезных машин у входа в замок соорудили нечто вроде двух концентрических баррикад, и, чтобы добраться до двери, требовалось обойти обе преграды по синусоиде, причем на глазах у вооруженных эйнхериев.

Дюжинами сновали вестовые, все на велосипедах. В воздухе пульсировали всполохи магической энергии, повсюду оживали обережные чары и охранные заклинания, причем весьма серьезные, для создания которых требуется немалое время, а над замком кишмя кишели крылатые силуэты.

Но я нисколько не смутился и уж тем более не испугался.

Справа от двери замка стояла женщина, а слева еще одна, точно такая же. Обе в черной коже и кольчугах, длинноволосые, но с выбритыми висками. Оружия у них я не заметил, если не считать черных и очень твердых на вид ногтей, а черные глаза – то есть полностью черные, без намека на белки – смотрели умно и безжалостно.

На подходе к двери я сбавил скорость, и две пары черных глаз уставились на меня, как двуствольные ружья.

– Смотрите-ка, кто здесь! – воскликнул я. – Ха и Эм⁶. Как жизнь, девчата?

– Сейдрмадр, – сказала та, что слева. Буду называть ее Ха, поскольку, если честно, я не смог бы отличить их друг от друга.

– Рожденный от звезд, – пробурчала Эм. – И все равно я думаю, что его следует разорвать на куски.

– Это самый логичный план действий, – согласилась Ха.

Двадцать пальцев с очень неприятными на вид когтями пришли в боевую готовность.

Эти девицы – персональные телохранительницы Ваддерунга, и я их побаиваюсь. Поверьте, никто не пожелает связываться с теми, кому сам Одноглазый доверил последнюю линию обороны.

С другой стороны... Не люблю забияк.

– Полегче, дамочки, – сказал я. – Или проверим, как вам работается при абсолютном нуле.

Две головы синхронно склонились набок.

– Зимний Рыцарь, – сказала Эм.

– В самый неподходящий период сезонного цикла, – заметила Ха.

– Вероятность пятьдесят процентов, что перед смертью он нейтрализует одну из нас.

– В результате конфликта с этим сейдрмадром возможно двадцатипятипроцентное снижение уровня личной охраны шефа.

– Неприемлемо, – заключила Эм.

– Неприемлемо, – согласилась Ха.

Спрятав за спину руки со страшными когтями, обе вернулись к строевой стойке вольно и принялись сканировать взглядом ночь так, словно меня не существовало.

– Что ж, мне тоже было приятно повидаться, – сказал я. – Что вы предпочли бы найти в рождественской корзинке? Живых мышей или колокольчики из прессованного зерна?

Этими словами я вернул их внимание. Обе головы вновь склонились набок.

– Легкомыслие, – произнесла Ха.

---

⁶ Хугин и Муинн – вороны Одина.

– Безумие, – добавила Эм.
И обе метнулись ко мне.

Трудно объяснить, насколько стремительным было это движение. Я начал вскидывать руки, и, когда они находились примерно на уровне пояса, удар в грудь швырнул меня на бетон. За ним последовало резкое карканье – оглушительное, громче пневматического автомобильного гудка, – треск разрываемой плоти, рычание и... всплески?

Секунду-другую я лежал как очумелый и не мог продохнуть. Ха – если это была она – сидела на мне верхом, обеими ногами сжимая бока и упираясь ладонями в грудную клетку. Но смотрела она не на меня. Я проследил за ее взглядом.

Эм сидела в такой же позе, но только не на чародее, а в каком-то месиве. Руки ее почернели до локтя, а на дорожке образовалось пятифутовое пятно того же цвета. В центре этой окружности находилось чуть больше пятидесяти фунтов мяса и костей со вкраплениями чешуи и несколькими многосуставчатыми конечностями, и я понятия не имел, что за создание было там буквально секунду назад.

Оглядев собственное тело, я не увидел ран, понял, что внутренности на месте, и сумел сделать вдох. Кем бы ни было это существо, оно незаметно подкралось ко мне со спины, и нас разделяло каких-то десять футов, когда с ним покончили Ха и Эм.

– Что, черт возьми, это было? – спросил я.
– Разведчик и убийца, – объяснила Ха.
– Быстрый, – добавила Эм. – Трудно заметить.
– Враг готовится, – кивнула Ха и наконец-то поднялась с моего тела.
Эм выпрямилась и протянула мне руку, испачканную черной кровью.
– Легкомыслие, значит? – сказал я.
Она дернула уголком рта.

Подчиненные Ваддерунга крайне суровы. И не упустят случая усложнить тебе жизнь.

– Гарри, – сказал Рамирес, когда я подошел к лестнице, ведущей на крышу замка. – Боже, где тебя носило? – И добавил после паузы: – Что это за хрень у тебя на руке?

– Найдется какой-нибудь скребок? – вздохнул я.

Опираясь на трость, Рамирес спустился по лестнице, выразительно взглянул на кинжал у меня на ремне, поднял глаза и вопросительно заломил бровь.

– Он очищен по всем ритуальным правилам, – пояснил я. – Не хочется пачкать раньше времени.

Рамирес – симпатичный парень, смуглокожий и черноглазый, как и положено калифорнийскому испанцу, – еще немного побуравил меня взглядом, хмыкнул, достал из кармана грави-тационный нож и раскрыл его со щелчком. Подбросив нож, молодой Страж поймал его за лезвие и протянул мне рукояткой вперед.

– Слыхал, что произошло?
– Ага. Потому и сгонял за кое-какими штуковинами.

Я взял нож и начал счищать с руки вонючую черную гадость. Кожу она не разъела, так что обжигающий эффект мне померещился, однако по мере остывания кровь нападавшего приобрела липкую консистенцию меда и никак не хотела отскребаться, к тому же источала запах помоев.

– Ножик оставь себе. – Судя по выражению лица, Рамиреса слегка замутило.
– Спасибо, – поблагодарил я, стараясь говорить самым будничным тоном. – А где старик?
– На крыше, со всеми остальными, – ответил Рамирес. – Пашут как проклятые, войска собирают, а в этом деле я не специалист, вот и не путаюсь под ногами.
– Успеешь блеснуть мастерством, когда начнется битва.
– Это уж точно. – Рамирес бросил кислый взгляд на свою трость.

– Да ладно тебе... По крайней мере, ты не в инвалидном кресле.

– Тоже верно, – согласился он уже веселее, но тут же посерьезнел. – Гарри, надо кое-что обсудить.

– Такие вступления – лучший способ направить разговор в приятное русло, – сухо заметил я, пытаясь игнорировать тугой узел в животе.

– Ну да, конечно. – Он встал на предпоследней ступеньке, чтобы посмотреть мне если не в глаза, то хотя бы в лицо, помолчал и спросил: – Где ты был сегодня вечером?

Живот скрутило еще сильнее. Я подобрался и скроил непробиваемую физиономию.

– Рассказывай, не стесняйся. – По лицу Карлоса скользнула тень сочувствия.

– О чем?

– Гарри, мы с тобой друзья, – с расстановкой выговорил он. – Верно?

– Частенько нам приходилось слышать, как бьет полночь⁷, – согласился я.

– И не раз доводилось бывать в скверных местах, – кивнул он.

– Да, не раз.

– Что ж... Быть может, когда-нибудь... ты начнешь относиться ко мне по-дружески?

– В каком смысле? – Я держался изо всех сил.

Карлос понизил голос, но тот оставался напряженным.

– Ты считаешь меня кем-то вроде младшего брата, Дрезден. Ладно, я не против. Но черт возьми, не держи меня за идиота. Я прекрасно вижу, что творится.

Я смотрел будто сквозь него и молчал.

– Если ты попал в беду, – продолжил он, – если нуждаешься в помощи, просто поговори со мной, чувак. Ты обязан со мной поговорить!

– С чего бы? – спросил я.

– С того, что происходит нечто страшное, – твердо ответил Карлос. – Повсюду сверкают ножи, и я должен сделать так, чтобы они не вонзились в спину Белого Совета. С того, что ты связался с монстрами и они творят с тобой жуткие вещи, а сам ты, как видно, этого не понимаешь. И еще с того, что ты оперируешь могучими силами, друг мой, и можешь причинить слишком большой ущерб. Я знаю тебя, Дрезден. Ты мне очень нравишься. Но ставки слишком высоки, и я не могу закрыть глаза на очевидные вещи.

– Это угроза? – спросил я куда мягче, чем мог бы.

– Раз уж мне все очевидно, – сказал он, – то остальным – тем более. Поговори со мной. Позволь помочь тебе, Гарри.

На секунду я задумался.

Рамирес – грозный союзник. И – Богом клянусь! – очень неплохо, когда в твоём углу ринга имеется искусный чародей. К тому же он популярен среди молодых Стражей, и, если заручиться его поддержкой, другие тоже перейдут на мою сторону.

А еще Рамирес пользуется благосклонностью чародейского истеблишмента. Ясное дело, я тоже не лишен сторонников во влиятельных кругах, но со временем Карлос стал примером для нового поколения Стражей. В отличие от предшественников, он проявлял больше сочувствия, следствие вел стремительно, но с выводами не торопился, а за соблюдением законов магии и безопасностью Белого Совета чародеев следил так же зорко, как Стражи былых времен.

Помощь моего друга Карлоса пришлась бы весьма кстати, но если рассказать правду, Страж Рамирес непременно проинформирует Совет Старейшин о моей связи с Томасом, поскольку для Стража это вопрос чести. С учетом всего прочего такой шаг вряд ли можно назвать неразумным, но с таким же успехом я мог навеки заморозить брата в холодильнике. Старейшины не допустят, чтобы мои отношения с Томасом превратились в потенциальный

---

⁷ Уильям Шекспир. Генрих IV. Часть вторая. Перевод Е. Бируковой.

рычаг влияния на Белый Совет. Скорее, надавят на меня в профилактических целях, или... попросту сделают так, чтобы этого рычага не стало.

Сколько себя помню, Белый Совет не приносил мне ничего, кроме горя и печали.

Карлос Рамирес – мой друг.

Но Томас – мой брат.

– Даже не знаю, о чем рассказать, Лос, – соврал я. – Я наводил связи для Мэб.

– Наводил связи? – переспросил Карлос. – Видишь ли, о твоих поступках ходят слухи, и в них используется несколько иная формулировка.

Адские погремушки... Черт бы побрал Фрейдис и ее дурацкую иллюзию!

– Звезды и камни! Тебе не кажется, что все это похоже на флигельный британский ситком? Короче говоря, у Мэб и Лары возникли какие-то разногласия, и я... вроде как сглаживаю острые углы.

Рамирес с недоверием смотрел на меня.

– Рассказал бы подробнее, да не могу, – продолжил я. – Это внутренние дела Зимы. И если честно – дружине, разве у нас есть время на разговоры?

– Проклятье, Гарри... – вздохнул Рамирес и отвел глаза.

– Мне это нравится не больше, чем тебе. Но я должен увидеть старика. У нас много дел.

– Угу. – Он глубоко вздохнул и ответил решительным кивком. – Дел и впрямь хватает.

Поднимайся.

Мы зашагали вверх по лестнице. На щеке у Рамиреса наливалась гематома, а на шее остались синяки и рубцы от завязок взбесившегося плаща.

Полученные Карлосом по моей милости.

Незадолго до того, как я соврал ему.

Проклятье.

Я чувствовал себя последним мерзавцем.

Глава 6

– Какой-то ты зеленоватый, Хосс, – заметил Эбинизер.

В компании Слушающего Ветер и Марты Либерти старик контролировал один из углов на крыше замка. Сидя в меловом круге, Марта вела беседу с полудюжиной марионеток – анимированных кукол, которыми духи пользуются для общения с миром смертных, – и емкими фразами передавала информацию Стражу Йошимо, тихо стоявшей за пределами круга с ручкой и блокнотом.

Слушающий Ветер примостился на угловом зубце ограждения. Сандалии он снял и теперь беззаботно болтал ногами над двориком замка. То и дело к нему подлетали или подбегали мелкие животные, по большей части птички или белки, и что-то чирикали, а старый шаман, склонив голову, с самым серьезным видом выслушивал гонцов, после чего кивал, шептал им в ответ и отсылал с новыми наказами. За спиной у него маячил Дикий Билл. Подавшись вперед, он хмурился, будто учил новый язык, но без особого успеха, и тоже записывал донесения вестовых.

Время от времени оба Стража передавали оторванные листки старейшине Кростосу. Тот расхаживал взад-вперед между Йошимо и Биллом, а также Чайлдзом и Райли – эти двое принимали сообщения по радиосвязи.

– Два часа на катере, причем во весь опор, – ответил я. – Пищеварительной системе такое не по нраву.

– Только не думай, мальчик, что я тебе сочувствую, – проворчал старик, понизив голос. – Дурак ты, прости господи.

Вампиров Белой Коллегии мой дед, мягко говоря, недолюбливал. И решительно возражал против моей «помощи» брату. Когда я признался, что у старика есть еще один внук, он воспринял эту информацию с неприязнью столь острой, что в гавани пошли ко дну несколько катеров, и «Жучок-плавунец» не оказался в их числе только потому, что я остановил Эбинизера, и это сошло мне с рук.

Гневная аура по-прежнему окутывала старика потрескивающим грозovým фронтом, готовым разразиться молниями.

Но дед не так-то прост. Он сам учил меня улаживать сверхъестественные конфликты, понимал, что у меня на уме, и прекрасно знал, как расставить приоритеты, чтобы у нас появился шанс пережить эту ночь.

– С какого расстояния ты сумеешь ее поймать? – спросил он.

– С берега. – Я едва не положил руку на атам, но сдержался. – Если заманить Этне на берег озера, она окажется в пределах досягаемости Духоприюта.

– Этого хватит, чтобы попробовать? – Эбинизер поморщился.

Я кивнул:

– По словам Альфреда, это стандартный связующий ритуал.

– Ф-фух, – шумно выдохнул Эбинизер. – Тогда другое дело.

– Почему?

– Этне тебе не кто-нибудь, а Последняя из титанов, – объяснил он. – Представь, каково это – связать, к примеру, Мэб.

Я содрогнулся.

– А Этне на порядок сильнее, – продолжал мой дед. – Нельзя просто взять и сразиться с таким могучим разумом. Тем более если на противнике Титаническая бронза.

– Почему нет?

– Этот сплав взаимодействует с фундаментальными принципами мироздания, – сказал Эбинизер. – Покуда он подкреплён достаточно сильной волей, физические атаки не причинят Этне почти никакого вреда.

– Значит, пока Этне считает себя неуязвимой, так оно и есть? – Я бросил на старика косой взгляд.

Тот приподнял брови:

– Любопытная формулировка. Но да, в нашем случае она соответствует действительности.

– Броня, сводящая на нет любой урон, – проворчал я. – Адские погремушки! Как же нам пробить такую защиту?

– Для начала придется ее ослабить.

– Каким образом?

– Как вариант – изнурительной битвой. – Старик втянул воздух через стиснутые зубы. – Представь толпу крестьян против рыцаря в доспехах. Удары не причинят рыцарю вреда, разве что раззадорят, и никто из крестьян не сможет дать ему сдачи.

– Значит, надо напасть на Этне с нескольких сторон, – предположил я. – Тактика волчьей стаи. Один отвлекает внимание, а другой бьет исподтишка.

– И достаточное количество ударов измотает ее, – подхватил Эбинизер. – Разумеется, бронированный рыцарь в курсе, что рано или поздно он выбьется из сил. Этне попробует избежать такого исхода, но с учетом поставленной цели она не станет отсиживаться в стороне. К тому же, собравшись в одном месте, мы станем легкой мишенью для глаза Балора.

– Значит, наш козырь – военная хитрость, – сказал я. – Надо вовлечь Этне в серьезную схватку и бить изо всех сил, чтобы ослабить ее волю. Ход из разряда очевидных, так что приманка должна быть настолько соблазнительной, чтобы Этне клюнула на нее. – Я покачал головой. – Паршиво. Все зависит от того, допустит ли она тактическую ошибку.

На крыше внезапно появилась Мэб в боевом облачении – облегающей кольчуге под серебристо-белым плащом. Ее волосы клубились над плечами шелковистым белым облаком.

– Предположу, что сэр Рыцарь консультировался с Духоприютом?

Вместо ответа я показал ей связующий кристалл.

– Отлично, – сказала Мэб. – Вряд ли Этне осознает, сколь опасен для нее этот остров. Последней из титанов чуждо понятие профессионализма, а значит, от нее можно ожидать и других ошибок.

– Почему вы так считаете? – спросил я.

– Она не где-нибудь, а в Чикаго, – ответила Мэб. – Для достижения заявленной цели Этне могла выбрать любой город, но явилась именно сюда.

Я склонил голову к плечу, нахмурился, а потом все понял.

– Она здесь из-за вас. Чтобы свести личные счеты.

– Древний конфликт между сидхе и фоморами. – Мэб улыбнулась уголком губ. – Застарелая ненависть. Та, которую труднее всего держать в узде.

Я посмотрел на деда. Ноль реакции.

– Она хочет разрушить все, что я создала, – продолжила Мэб. – Выставить меня в дурном свете и подчеркнуть мою слабость, чтобы от меня отвернулись мои соратники и союзники. Именно сегодня, в самую короткую ночь в году, когда мое могущество в надири.

Я взглянул на другой угол крыши, где стояли обе Леди – Зимняя и Летняя, – а вокруг роился маленький народец. Крылатые существа сновали взад-вперед, будто разноцветные огоньки. Закрыв глаза, Молли и Сарисса шептали что-то неслышное.

– С учетом силы воли Этне, – сказал я, – вряд ли сам Духоприют представляет для нее ощутимую угрозу. Как-никак в бутылку ее должен посадить именно я.

Мэб одарила меня таким взглядом, что я сразу вспомнил, почему она носит титул Королевы Воздуха и Тьмы. Ее глаза стали серыми и холодными, как тюремные цепи.

– Нет воли, которую нельзя сломить.

Я содрогнулся, но только внутренне, поскольку Мэб совершенно незачем видеть, как содрогается ее Рыцарь.

– На плечи Дрездена вот-вот ляжет тяжкий груз, – мрачно изрек Эбинизер. – Поэтому нельзя допустить, чтобы он вступил в бой раньше времени.

Мэб взглянула на него и негромко... хмыкнула? Пусть и с большой натяжкой, но я охарактеризовал бы ее реакцию именно так.

– Вам требуется прилежный исполнитель? В таком случае вы ошиблись с выбором героя, Черный Посох.

Старик бросил на нее сердитый взгляд:

– Так или иначе, выбор сделан.

– Когда монстры начнут раздирать на части жителей города, – спокойно произнесла Мэб, – когда женщины и дети станут звать на помощь, я с огромным любопытством посмотрю, как вы обуздаете этого чародея.

– Он прав, – вежливо сказал я, заранее подняв руку. – Как ключевая фигура, я не должен вступать в бой раньше времени.

Во взгляде Мэб промелькнуло что-то вроде жалости. Или презрения.

– Не верится, что ты способен контролировать себя лучше, чем это сделал бы Черный Посох. – Она качнула головой. – Утешься, мой Рыцарь, ведь я выбрала тебя с учетом тех времен, когда на первый план выходит стихия разрушения.

– Чего? – не понял я.

И тут Мэб испугала меня похлеще любого монстра.

Она улыбнулась.

Искренне.

– Гарри, – с некоторым теплом сказала она. – С первого взгляда я увидела в тебе существо, способное обрести истинное величие. – Она положила тонкую прохладную ладонь мне на предплечье и с гордостью добавила: – Пора бы и самому это понять. Осознай, кто ты есть, и мы станем вершить великие дела.

Старик шагнул вперед, встал между нами – мной и Королевой Воздуха и Тьмы – и молвил гранитным тоном:

– Он человек, а не твое оружие, Мэб.

– Именно что оружие! – прошипела она, и ее улыбка сделалась по-волчьи ненасытной. – Он сам так решил. Что до ваших людей, они не предложили Дрездену никакого выбора. Поговаривают, что сидхе – бесстыжие обманщики? Чья бы корова мычала!

Меня аж оторопь взяла. Я взглянул на Эбинизера.

Старик избегал встречаться со мной взглядом.

Мэб рассмеялась низким грудным смехом. Похоже, ей было весело. Она обошла вокруг Эбинизера, проведя ладонью по моему плечу, будто по крылу автомобиля – жемчужины коллекции автомобилей Зимнего двора.

– Сделай все возможное, чтобы встать рядом со мною в битве, мой Рыцарь. И будь собой, ведь Этне тоже будет собой, поскольку у нее нет выбора. – Она кивнула Эбинизеру. – При...

Что-то зажужжало, сперва тихо, но звук быстро нарастал. Недолго думая, правой рукой я задвинул Мэб за спину, а левую вскинул к небу и усилием воли создал горизонтальный барьер. Как раз вовремя, поскольку нечто, скрытое за вуалью и летевшее со скоростью сапсана, с размаху врезалось в невидимый силовой щит радиусом добрых три фута.

Вуаль как ветром сдуло. Шесть или семь фунтов... по большей части куски мяса съехали по сферической преграде и влажно шлепнулись к моим ногам. Я уставился на останки суще-

ства, походившего на помесь кальмара, ящерицы и летучей мыши, резиноподобного, кожистого, серо-розового, как подтухший говяжий фарш. От него распространялось омерзительное зловоние, характерное для поврежденного желчного пузыря ядовитой змеи. Умиравшая тварь била щупальцами, размазывая по крыше едкую желтоватую слизь, и та искрилась и шипела на зачарованных камнях.

Я с большой осторожностью опустил щит и выпрямился.

– Это еще что за дьявол?!

Вдруг я осознал, что к спине моей прижимается Королева Воздуха и Тьмы – вернее, я сам прижимаю ее к себе одной рукой, – и такое положение вещей вполне можно описать как в высшей степени неприличное. Вздвогнув от остроты ощущений, я в спешке отдернул руку и оглянулся на монархиню сидхе:

– Вы в норме?

Мэб пересеклась со мною взглядом, ее глаза сверкали. Я поспешил отвести взгляд, а она с некоторым триумфом посмотрела на Эбинизера и негромко ответила:

– Да. Хвалю, мой Рыцарь.

– Кстати, вы же бессмертная, – напомнил я. – Зачем вам телохранитель?

– Нечто, – она кивнула на расплескавшуюся по камням желтую слизь, – намеревалось ослабить меня или даже вывести из строя в преддверии битвы. Бессмертие дает существенное преимущество, но не заменяет умственных способностей. Не забывай об этом, юный чародей.

Эбинизер сдвинул брови и хотел что-то вставить, но Мэб продолжила:

– Если по некой загадочной причине тебе захочется блеснуть умом и сообразительностью.

Пару секунд я смотрел то на нее, то на деда.

Ну да, близится время перемен. Вот только сперва надо разобраться с Этне и фоморами.

– Ассасины Корба докучают мне, – заявила Мэб самым спокойным тоном, задумчиво прищурилась, а несколькими секундами позже твердо кивнула. – Хорошо, рыбе отродье. Будь по-твоему.

Она щелкнула пальцами, и стоявший за спиной у Молли Красношапочник обернулся, будто Мэб окликнула его по имени. Воин-сидхе, высокий, стройный и красивый той красотой, что свойственна юным длинноволосым засранцам, немедленно подошел к нам и поклонился, сдернув с головы бейсболку с логотипом «Вашингтон нэшнлс».

– Выпускай малков, – приказала Мэб.

Черт побери!

Малки – не столько кошки, сколько ожившие кошмары, и так вышло, что видом они напоминают кошек. Представьте себе рысь, только повыше и пошире, весом примерно фунтов пятьдесят, с интеллектом человека и кровожадностью серийного убийцы. Кого бы вы ни представили, в реальности все окажется куда хуже, если только у вас не развит вкус к весьма своеобразным фантазиям. Когти у малков такие, что перед ними не устоит ни камень, ни даже некоторые металлы. Эти создания невероятно бесшумные, сил у них примерно как у шимпанзе, а еще они крайне неохотно выполняют приказы, не исключая тех, что отданы Королевой Воздуха и Тьмы.

Возможно, они решат проблему летающих кальмаров, но заодно поубивают множество людей. Просто так, ради забавы. Такова их природа. Если Мэб натравит на Чикаго стаю этих мелких психопатов, кровавой бани не избежать. Малкам безразлично, кого рвать на тряпки.

– Погодите! – сказал я.

Голова Мэб повернулась ко мне, будто орудийная башня.

Красная Шапка широко раскрыл глаза и едва заметно отпрянул от меня, будто готовился нырнуть в какое-нибудь укрытие.

Даже Эбинизер посмотрел на меня так, словно сомневался в здравости моего рассудка.

– Э-э... Пожалуйста, – в спешке добавил я. – Есть способ получше.

– Объяснись, – прищурилась Мэб.

– Вы разгневаны на Корба, и этот гнев может влиять на ваши решения, – сказал я.

Мэб не двинулась с места, но температура воздуха понизилась на несколько градусов.

– Приберегите малков для более важной задачи, – продолжил я. – Хотите избавиться от этих... сквидвардов?⁸ Давайте я с ними разберусь. Пока мы не одолели Этне, Корб лишь будет оттягивать на себя наши ресурсы. Верно?

Мэб склонила голову набок, прищурилась еще сильнее и молвила с расстановкой:

– Устами младенца...

Одного жеста в адрес Красношапочника хватило для отмены приказа насчет малков. По крайней мере, на время.

– Ты незаменим для моих планов, сэр Рыцарь, и это самым благоприятным образом сказывается на твоём здоровье и благополучии. Но будут новые атаки. Реши вопрос тем способом, который тебя устраивает, или я разберусь с этими тварями по-своему. – Она отступила и едва заметно кивнула Эбинизеру. – Прошу меня извинить. Я должна согласовать действия с подданными сестры. Потрудитесь ознакомить Дрездена с нашим замыслом.

Старик поджал губы, но ответил Королеве Воздуха и Тьмы почтительным кивком. Мэб отвернулась, будто мы перестали существовать, и подошла к столу, за которым сидели Ваддерунг и один из влиятельнейших вассалов Зимы, охотник-фэйри по имени Эрлкинг, повелитель гоблинов Феэрии и вожак Дикой Охоты. Оба сосредоточенно изучали карту Чикаго.

Нечеловечески рослый, в кожаном охотничьем костюме и кольчуге Эрлкинг выглядел особенно стройным. Лицо его пряталось в тени шлема. Что касается Ваддерунга, угловатой изрубцованной физиономией, бандитской повязкой на глазу и великолепным двубортным костюмом тот походил на бывалого морского пирата, ныне служащего в крупной корпорации. Оба были готовы к битве.

Я нервно сглотнул и обвел глазами крышу. Взобравшись по стене здания, к нам присоединился Речные Плечи. Весил саквоч, пожалуй, не меньше тысячи фунтов, но, перепрыгнув через ограждение, приземлился он почти бесшумно. При подъеме его викторианский смокинг понес некоторый ущерб: при напряжении икр брючины разошлись по швам. Лесной Житель распрямился, поднял руки-лопаты и осторожно поправил очки, сидевшие у него на переносице, после чего кивнул Слушающему Ветер. Коса старого индейца выглядела неряшливее обычного. Должно быть, пока я мотался на остров и обратно, самый искусный из оборотней-перевертышей Белого Совета ходил в разведку.

Саквоч буднично опустил на корточки рядом с шаманом, и оба завели серьезный разговор на приглушенных тонах, а Дикий Билл предусмотрительно отошел в сторонку, чтобы Речные Плечи ненароком не придавил его своей тушей.

Пока я рассматривал эту троицу, из каменной тверди на крыше замка появились свартальвы. Целый отряд свартальвов с разнообразными инструментами, шестами и мотками проволоки. Складывая свою ношу на камни, они посматривали на небо и что-то мрачно бормотали, а затем приступили к измерениям, то и дело вынуждая аристократию и царственных особ сверхъестественного мира подвинуться и даже не извиняясь при этом, – и сама Мэб без возражений отступала в сторону.

Сноровисто и слаженно свартальвы прикрутили к камням металлические опорные плиты с пазами, установили столбы, и вскоре замок накрыло десятифутовым балдахином из армированной колючей проволоки. Вон оно что. Сообразив, насколько опасны летающие убийцы Корба, свартальвы решили усложнить им полет к замку.

---

⁸ *Сквидвард Квентин Тентаклс* – человекоподобный осьминог, персонаж мультсериала «Губка Боб Квадратные Штаны».

Смекалистые ребята. Неудивительно, что даже Мэб не проявила недовольства. Какой бы жизненный путь ты ни выбрал, стань мастером своего дела, и заслужишь уважение других мастеров.

Хотя это доказывало, что у нас самые серьезные проблемы.

– Как держишься, Хосс? – спросил Эбинизер уже мягче.

– Хм... – Я облизнул пересохшие губы. – По-моему, мне еще не доводилось участвовать в чем-то настолько... масштабном.

Старик хмыкнул:

– По-твоему, в Чичен-Ице было нечто вроде благопристойного чаепития?

– Там, знаете ли, дело касалось только Белого Совета и Красной Коллегии. – Я посторонился, чтобы пропустить вурдалака. Упырь, наполовину принявший звериную форму, на ходу пытался влезть в кольчугу, позаимствованную у людей Марконе. При виде этого создания я почувствовал знакомый укол острой неприязни и прилежно отодвинул несвоевременные эмоции на задний план. – А в нынешнюю историю вовлечены все без исключения.

– Не все, мальчик, – коротко усмехнулся Эбинизер. – Даже близко не все. – Он обвел глазами крышу и кивнул. – Но соглашусь, что давненько не видел такого переполоха.

– Сэр, – выпалил я, поскольку не мог просто стоять и делать вид, что между нами ничего не случилось, – когда все закончится, надо будет кое-что обсудить.

– С обсуждениями покончено, мальчик. – Эбинизер придавил меня гранитным взглядом. – Или забыл?

Я сердито покосился на него, и путь к столу с картой мы проделали в угрюмом молчании, синхронно постукивая посохами.

Ваддерунг и Эрллинг подняли на нас глаза. В отличие от шефа «Монок секьюритис», оставшегося при полном деловом параде, повелитель гоблинов облачился в черную кольчужную рубаху поверх охотничьего кожаного костюма времен, предшествовавших Возрождению. На поясе висел меч зверобоя, на столе лежал уже знакомый мне рогатый шлем. Лицо у короля гоблинов, первейшего вассала Мэб, было деформированное, изрезанное шрамами, но по-разбойничьи симпатичное. Мне доводилось видеть Эрлкинга в деле, и всякий раз он выглядел по-настоящему большим и страшным. Сегодня, однако, он принял более человеческий вид и мог бы сойти за чрезвычайно рослого и грациозного спортсмена-профессионала.

– А, юный волк, – звучно пробасил Эрллинг. – Я и не подозревал, что он твой ученик, Черный Посох.

Старик кивнул:

– Какое-то время он по большей части исполнял всевозможные поручения, а как разучил пару фокусов, подался на вольные хлеба.

– На нем амулет Маргарет Лефэй, – нахмурился Эрллинг и склонил голову к плечу.

– Это моя мать, – объяснил я.

Эбинизер бросил на меня резкий взгляд. Сколько его помню, дед считал, что не стоит делиться информацией, – по крайней мере, с представителями других наций – не получая ничего взамен. А это значило, что начать разговор с ним будет непросто, а продолжить – и того сложнее. Супер.

Нынешний вожак Дикой Охоты поднял брови, взглянул на меня, на деда и уточнил:

– Сын Маргарет? Это многое объясняет. – Он качнул головой и криво усмехнулся. – Не представляешь, сколько хлопот в свое время доставила мне твоя мать. Теперь понятно, зачем ты... забрел в мои владения.

Не поднимая глаз от карты, Ваддерунг кашлянул и осторожно напомнил:

– Не пора ли перейти к делу, джентльмены?

Я вплотную подступил к столу, ярко освещенному стоявшими по углам химическими светильниками. Карту начертили на толстом, пожелтевшем от времени пергаменте – в стиле древних скандинавских картографов – и дополнили нордическими рунами.

Изображение менялось. У меня на глазах несколько крошечных синих квадратов, отмеченных крестиками, медленно проползли по улицам города. Отчетливо выделяясь на фоне стилизованного под старину рисунка, они казались элементами видеоигры.

– Тактическая карта, – заключил я. – Моего города.

– И что? – Ваддерунг стрельнул на меня единственным глазом и снова уткнулся в пергамент.

– Создать такую весьма непросто, – продолжил я. – И прежде, чем наносить город на карту, надо провести в нем немало времени.

– Я живу подольше многих, – промолвил Ваддерунг. – Где только не бывал.

Эбинизер постучал по карте пухлым пальцем:

– Что означают эти значки?

– Легкая пехота, – ответил Ваддерунг. – Почти вся, что имеется в нашем распоряжении. Здесь – бойцы Марконе, тут – люди Белой Коллегии, а вон там – местные силы фэйри.

Отряды, готовые встретить выходящих на берег врагов, расположились в трех точках на Лейк-Шор-драйв⁹. За ними светились два больших синих круга: один – над замком Марконе, другой – над посольством свартальвов.

– Резервы, – объяснил Ваддерунг. – Здесь, в центрах сопротивления, находятся основные силы.

– Надо устроить еще пару оборонительных позиций. – Я указал на карту. – Вот тут, в церкви Святой Марии Всех Ангелов.

– В церкви? – скептически переспросил Эрлкинг.

– Это не просто церковь, – сказал я. – По крайней мере, здесь, в Чикаго. Это храм истинной веры. Если придется отступить, его двери будут открыты для всех. Даже не сомневайтесь.

– Это первая точка. А где вторая? – спросил Ваддерунг.

Я поставил палец на карту:

– В доме Майкла Карпентера. Там находятся оба Рыцаря Веры и Надежды.

– Неустрашимые бойцы, – заметил Эрлкинг, – вооруженные острейшими клинками. Но их всего лишь двое.

– Плюс дюжина ангелов-хранителей на круглосуточном дежурстве, – возразил я. – Это один из бонусов пенсионного обеспечения сэра Майкла.

– Мы не станем подключать их к делу, – заявил Ваддерунг тоном, не допускающим возражений. – Ни ангелов, ни Рыцарей. Ни при каких условиях. Поскольку это очень не понравится существу, которое ты называешь «Мистер Солнечный Свет».

Я приподнял бровь – насколько помню, в разговорах с Ваддерунгом я ни разу не упоминал прозвище, данное мной Уриилу.

Одноглазый добродушно пояснил:

– Раз в год мы обедаем вместе.

– Понятно, – кивнул я. – Что ж, если плохие парни подойдут чуть ближе, чем следует, их обратят в пепел. Ясное дело, в глазах Уриила к плохим парням относятся многие участники договора.

Кстати, в этом я был согласен с архангелом. И пожалуй, входил в число плохих парней. Я бросил свирепый взгляд в сторону вурдалаков.

– Но в дом Карпентеров можно отправить раненых. Поверьте, лягушачьему отродью непросто будет проникнуть в эти стены.

---

⁹ Лейк-Шор-драйв – автострада вдоль озера Мичиган.

– Лягушачьему отродью? – Ваддерунг бросил на меня колкий взгляд, и на мгновение губы его изогнулись в жестокой улыбочке.

– Ну, фоморам, – сказал я. – Зовите как хотите, но, по-моему, хватит миндальничать с этими засранцами. Согласны?

Над столом раздались нервные смешки.

– Лягушатники, – согласился Эбинизер.

– Лягушатники, – эхом отозвался Эрлкинг.

Сверкнув единственным глазом, Ваддерунг покачал головой, что-то пробормотал и коснулся края карты, и в указанных мною точках расцвели синие круги.

– Главная наша забота, – напомнил он, – это титанша. Конечно, есть и другие проблемы, но, пока Этне в строю, победы не видать.

– На ней Титаническая бронза, – сказал Эрлкинг таким тоном, будто последние два часа только и делал, что повторял эти слова.

– Если позволите, вопрос с задней парты. – Я поднял руку. – Что это за материал?

– Уникальный сплав мордита и бронзы Олимпа, – ответил Ваддерунг. – Кинетическое оружие не причинит Этне почти никакого вреда. Энергии стихий будут полезнее, но ненамного. Пробить эту броню по силам только существу, имеющему божественный статус.

– Божественный статус, – повторил я. – Это вы о ком?

– Пожалуй, о ваших Рыцарях, – задумчиво молвил Эрлкинг. – Думаю, они черпают силы из подходящего источника.

– И об ангелах, которых ты упоминал, – добавил Эбинизер. – Мордит – это концентрат самой темной и злобной субстанции Запределья. После добавления в сплав он поглощает не жизнь, а энергию. Тепло, электричество, физическую силу и так далее – по приказанию воли существа, облаченного в эту броню. Чтобы пробить ее, потребуется нечто большее, чем могучий удар.

– У силы должно быть соответствующее происхождение, – согласился Ваддерунг. – И ее надо использовать для надлежащих целей.

К столу беззвучно приблизилась Мэб.

– С этой задачей также справится inferнальная сила, если применить ее в должном объеме, – негромко сказала она. – Осмелюсь предположить, что Никодимус Архлеон сумел бы пробить Титаническую бронзу.

– При условии, что Этне подставится под удар, – отметил Эрлкинг. – Во-первых, адские твари нам не подчиняются. А во-вторых, титанша не будет стоять сложа руки. Она примет бой и, скорее всего, прикончит нападающих.

Добрых пять секунд Ваддерунг хмуро рассматривал его, а затем заявил:

– Ты пессимист.

– Нет, я реалист, – отозвался Эрлкинг.

– По-вашему, чтобы подобраться к Этне, нам понадобится содействие, – подытожил я, – а поблизости нет существ, настроенных на нужную частоту или достаточно сильных, чтобы иметь вес в бою с титаншей.

– Вот именно, – подтвердила Мэб.

Упс.

– Значит, нам нечем пробить ее броню, – продолжил я.

– Пожалуй, – согласился Эбинизер. – Так что легкого решения не существует.

– По возможности надо найти Этне, – кивнула Мэб, – или ждать, пока она сама не найдется.

– Но это означает столкновение лоб в лоб, – возразил Эрлкинг.

– Да, – признала Мэб. – Сперва надо приспособиться к ситуации, а затем завязать бой и сделать так, чтобы Этне обессилела.

– Ух, – сказал я. – Подозреваю, что это будет весьма... болезненно.

– Я ожидаю немалых потерь, – подтвердила Мэб. – Вступив в схватку, мы обязаны держаться, пока не измотаем Этне и не оттесним ее к воде. – Взгляд ее огромных, сияющих серо-зеленых глаз устремился на меня. – А там остается верить, что воли моего Рыцаря хватит для противостояния с волей врага.

– Угу. – Я судорожно сглотнул. – А если не справлюсь?

– В таком случае, – ответила Мэб, невозмутимо глядя на меня, – Этне исполнит обещание. Уничтожит город и всех, кто встанет у нее на пути.

Да уж.

– Получается, весь груз ложится на мои плечи, – сказал я.

– Тяжелую работу мы сделаем за тебя, Хосс, – пообещал Эбинизер. – А ты нанесешь финальный удар.

– Да, – заверила меня Мэб. – Не подведи, мой Рыцарь.

Я опустил глаза на карту.

В одном из синих кружков находилась маленькая девочка. Сейчас она, наверное, спала под присмотром Рыцарей и ангелов.

И под моим присмотром.

В груди слегка заныло, но я загнал эту боль в бутылку и аккуратно заткнул ее пробкой. Позже выпущу. Страх за Мэгги поможет защитить ее, только если я вложу этот страх в могучие заклинания и те уничтожат существ, желающих сделать ей больно.

Дело говоришь, Гарри.

Смотри не подведи.

– Перво-наперво, – сказал я, – мне нужна пицца.

Глава 7

Раздобыть пиццу оказалось куда проще, чем я думал. В холодильниках на кухне у Марконе хватало замороженных полуфабрикатов для прокорма оголодавших эйнхериев, а газовые плиты работали как ни в чем не бывало. Не прошло и получаса, как на крышу доставили несколько пицц.

За это время к нам наведались еще штук двадцать кальмаров-камикадзе. Проволочный балдахин лишил их возможности камнем падать на крышу, поэтому двигались эти твари уже не так стремительно, но не менее целеустремленно. Один выбрал мишенью Чайдза, и кто-то из людей Марконе бросился наперерез, а когда щупальце хлестнуло его по горлу, вскрикнул и упал навзничь.

К нему бросился эйнхерий с аптечкой первой помощи, но было уже поздно: бойца Марконе закрутило по всей крыше, да с такой силой, что явственно слышался хруст ломающихся костей и рвущихся тканей. Бедняга издавал однотонный нескончаемый визг, и тот становился все более хриплым. Наконец яд, проникший в организм через мириады крошечных ран, разъел плоть, и горло бойца исторгло фонтанчик крови.

Первая смерть за эту ночь.

Искуснее прочих оборону держал Красношапочник. С девятимиллиметровым пистолетом, оснащенным глушителем, наготове, полузакрыв глаза с кошачьими зрачками, он стоял и ждал в полностью расслабленной позе. Пока готовили пиццу, он сбил четырнадцать из двадцати тварей. Последний сквидвард врезался в спину Кристоса и сшиб того с ног, но его костюм был зачарован едва ли не лучше моего, а меч Йошимо рассек кальмара надвое, пока горелубийца, отприкошетив от спины Кристоса, падал к его ногам. Старейшина не контактировал с ядом, поэтому остался в строю.

Как только принесли еду, я попросил оставить ее у дальнего угла ограждения – подальше от того места, где открыл лавочку Белый Совет, – а затем подошел к Молли и похлопал ее по плечу.

Кольчугу Зимняя Леди надевать не стала. На ней по-прежнему был гидрокостюм, в котором Молли дала бой кракену. Она сидела по-турецки – ноги скрещены, спина прямая, ладони на коленях, – а вокруг клубились Зимние фэйри, существа размером с пикси, но чрезвычайно жестокие и очень злобные на вид. Они то прибывали с донесениями, то убывали с приказами, и я сделал вывод, что Молли координирует перемещение войск.

Она обернулась, и на мгновение я как будто примерз к месту. Чтобы сфокусировать взгляд, ей потребовалось несколько секунд. С безмятежным и сосредоточенным лицом она заговорила – гладко, бархатисто, сонно и чувственно:

– В чем дело, мой Рыцарь?

Ее глаза изменились.

Они приобрели глубокий, морозный сине-зеленый оттенок. И зрачки тоже стали другими. Кошачьими, как у большинства сидхе.

Молли несколько раз моргнула, постепенно выходя из глубокого транса и переключая внимание на меня. Глазам ее вернулся природный небесно-голубой цвет, а зрачки округлились.

– Секунду, Гарри. Я... отслеживаю примерно два десятка разговоров. – Она перевела дух и почесала кончик носа. – Чем могу помочь?

Я ткнул большим пальцем в сторону Красной Шапки:

– Одолжишь его на несколько минут? Хочу устроить кальмарам неприятный сюрприз.

– Ты ему доверяешь? – изогнула бровь Молли.

– Я доверяю не ему, а тебе.

Она внимательно посмотрела на меня и кивнула:

– Конечно. Ступай с ним, Красный. Охраняй так, как охранял бы меня.

– Миледи. – Красношапочник учтиво склонил голову, затем повернулся ко мне и продолжил с лукавой улыбкой: – Сэр Рыцарь, я в твоём распоряжении.

– Будь это так, – сказал я, – я бы тобой распорядился. А потом избавился от трупа.

– Отважные слова для человека, доверяющего мне жизнь, – задумчиво произнес Красная Шапка.

– Я лишь обозначил свою позицию, – пояснил я.

Красношапочник самодовольно усмехнулся. Он... Если честно, во многом он походил на Томаса. Шесть футов, подтянутый, темноволосый и красивый нечеловеческой, свойственной сидхе красотой. Гибкий, как пантера, мускулистый, расслабленный, с плавными текучими движениями, способный развить умопомрачительную скорость и отличающийся беспечной грацией, свойственной боевитым представителям его племени.

Если верить легенде, Красная Шапка регулярно погружает бейсболку в свежую кровь своих жертв, чтобы не выцветала. Он один из самых результативных убийц Зимнего двора, и его звезда находится в кровавом зените с тех самых пор, как погибла прежняя Зимняя Леди.

Какое-то время я смотрел на него, а затем сказал:

– С учетом того, что в последнюю нашу встречу ты помогал Мэйв растерзать этот мир, твоя карьера пошла в гору.

– Так вот чем, по-твоему, я занимался? – с деланным простодушием спросил Красношапочник.

Я заткнулся и пару секунд смотрел на него. Наконец выдохнул:

– Адские погремушки...

– Ага, – ухмыльнулся Красношапочник, – что, начинает доходить до жирафа?

– Ты вообще не работал на Мэйв, так?

– На вечеринку ты опоздал на несколько лет, – сказал Красная Шапка, – но, как вижу, все-таки объявился. – Он похлопал пистолетом по ноге. – Мэб приставила меня ко двору Мэйв примерно за тридцать лет до недавних событий. Я прислуживал ее дочери, а между делом собирал информацию для Королевы Воздуха и Тьмы.

– И помогал мне...

– Или вводил Мэйв в заблуждение. Совершенно верно, – подтвердил Красношапочник. – Или развлекался. Прости за ранение, но в тот момент оно послужило всем трем этим целям. Если честно, мы надеялись, что ты сообразишь, что к чему, и подыграешь. Ну да ладно. Ты справился. Кое-как. Более или менее.

– Что, никто не додумался ввести меня в курс дела? – спросил я после секундного размышления.

– Насколько крупными должны быть буквы, чтобы ты сумел их прочесть, чародей? – С лица Красношапочника не сходила ухмылка. – Если хочешь вращаться в наших кругах, учись распознавать подтекст. Кроме того, Мэб не могла вот так запросто передать Дикую Охоту в руки смертного. – Он покачал головой. – Раздор между королевами – страшное дело. Что одна, что другая могут отдать приказ, который нельзя не исполнить, и, чтобы сохранить лояльность, надо самым тщательным образом взвешивать слова и поступки. Иначе свяжешь себя по рукам и ногам.

– Поэтому ты охранял Мэйв, – догадался я, – но в каком-то смысле предал ее, и она погибла.

– Это было необходимо.

– А теперь охраняешь Молли.

– Такова моя привилегия.

– А если снова понадобится предать Зимнюю Леди?

– Сделаю это без малейших колебаний, – спокойно ответил он.

– В таком случае, – сказал я, – о твоей гибели будут слагать печальные легенды.

– По-моему, ты не осознаешь моего положения, чародей. – Склонив голову, Красношапочник бросил на меня вопросительно-насмешливый взгляд. – Леди, которой я теперь служу, соответствует высочайшим критериям, каких я только мог бы ожидать от все еще столь... смертного существа. Она аккуратно исполняет свои обязанности, принимает разумные решения и надлежащим образом устраняет врагов. Покуда это не изменится, она может рассчитывать на мою поддержку.

– Но стоит ей дать слабину?..

– Это Зимний двор. – Красношапочник недобро сверкнул острыми клыками. – Страшно подумать, что с ней может случиться. – Его улыбка стала чуть более хищной. – Или что будет с тобой.

Я ответил свирепым взглядом.

– Я лишь обозначил свою позицию, – объяснил он препротивнейшим тоном. – Поверь, лично против тебя я ничего не имею. Прошу прощения...

Он вскинул пистолет. Пуля прошла в шести дюймах от моего левого уха.

К тому времени, как я вздрогнул, что-то хлюпнуло, и на бетон шмякнулась одна из кальмароподобных тварей, конвульсивно задергалась, безобразно скрутилась, замерла и сдохла, истекая ихором, от которого заискрились и зашипели древние камни.

Я лихорадочно потер ухо, которое ужасно зачесалось безо всякой на то причины, и хмуро взглянул на Красную Шапку.

Он показал мне пистолет и улыбнулся:

– По приказу миледи. Веди, чародей.

Я скривился в ответ, после чего вразвалку подошел к зубчатому ограждению, подле которого оставили пиццу, и присел в углу, где стена хотя бы с двух сторон защищала меня от кальмаров-убийц. Красношапочник последовал за мной и остановился примерно в десяти футах, где просто стоял и ждал с пистолетом в руке.

Я приступил к делу, для которого, собственно, и требовалась пицца, а еще мелок, лежавший у меня в кармане. С магической точки зрения в призыве нет ничего сложного, но после него могут возникнуть проблемы.

Сейчас, к примеру, я готовился призвать некое существо по истинному Имени, прямо здесь, в довольно людном месте. Проклятье. Придется работать без вербальной поддержки. Хотя заклинание маломощное, и, если повезет, я без особых неудобств сотворю его в полном молчании.

Слова и чары идут рука об руку. Скажу больше: половина слов, означающих чародея-практика, восходят к корням, изначально имевшим значение «говорящий». И не без причины. По большей части, магия творится у нас в голове, питаясь эмоциями и обретая форму благодаря концентрации внимания, здоровой мысли и прямолинейному усилию воли. При работе с реальной магией мозг пронизывает дичайшее количество энергии – такое, что и умом повредиться недолго.

Поэтому разум стараются защитить, «упаковывая» суть заклинания в вербализованные фонемы, и это требуется сделать на языке, с которым вы не особенно знакомы, поскольку в ином случае словесная обертка не принесет никакой пользы. Она обеспечивает что-то вроде изолирующего слоя вокруг сознания. Магию можно творить и без слов, как кому нравится, но в итоге у вас помутится разум, начнутся судороги, за ними последуют сильнейшие конвульсии и наконец наступит смерть. Ни один чародей, обладающий хотя бы крупницей здравомыслия, не станет творить магию в полном молчании.

Но это не значит, что время от времени нам нельзя схитрить.

Круг-ловушку с приманкой в виде пиццы я нарисовал для галочки. На самом деле я давно и тесно сотрудничал с этим существом, и в круге не было необходимости. Покончив с приготовлениями, я опустился на колени, закрыл глаза и вообразил самого себя – в той же позе, что и в реальном мире, – после чего стал мысленно нашептывать Имя, вкладывая в призыв совсем немного энергии и стараясь не упустить образ Гарри Дрездена, тоже стоявшего на коленях в терпеливом ожидании.

Ждать пришлось недолго. В воздухе что-то затрепетало. Заметив, что Красношапочник насторожился и поднял пистолет, я вскинул ладонь и категорично мотнул головой. Пару секунд Красная Шапка пылливо смотрел на меня, после чего опустил оружие, и тут к нам присоединился мой единственный вассал.

Гулко жужжавший стрекозиными крыльями генерал-майор Тук-Тук Минимус больше всего походил на тускло-фиолетовую комету, но, когда он приблизился, из-под ореола проступили очертания атлетически сложенного юноши, увенчанного копной волос оттенков лаванды и фиалки, шелковистых, как семечки одуванчика. Будь в нем больше тридцати дюймов роста, Тук выглядел бы весьма впечатляюще.

Сегодня он оделся... по-новому. Я уже привык к его костюмчикам из найденных на помойке кукольных одежек и прочего мусора, получившего новую жизнь. Человеческие отбросы много лет служили генерал-майору и броней, и оружием, но теперь он перешел на новый уровень.

На Тук-Туке был полный комплект готических лат из какого-то странного сплава, настолько темно-фиолетового, что он казался черным. Броню дополнял черный плащик с капюшоном, украшенный корпоративным логотипом местной сети доставки под названием «Пицца-Экспресс». Картинку окружала вышитая золотом надпись «За Ца-Лорда».

Вместо обычного канцелярского ножа или хобби-скальпеля «Экс-Акто» Тук в руках держал копьё едва ли не длиннее своего роста с широким наконечником, пригодным для нанесения колюще-рубящих ран и выкованным из того же металла, что и латы. Между крыльями у него я заметил портупею с двумя короткими клинками, тоже из темно-фиолетового сплава.

Тук ловко обогнул ватагу вестовых-пикси и, не обращая внимания на меловой круг, устремился напрямик ко мне, но резко остановился, завис перед Красной Шапкой на уровне глаз и грозно рявкнул:

– Прочь, негодяй! Я видел, как ты бросаешь на милорда косые взгляды!

Пикси воспринимают голос Тука как раскатистый бас. Все остальные – как писк очаровательной мультяшки.

– Полегче, малыш. – Воин-сидхе прищурился и обнажил зубы в ленивой улыбке. – Я предпочел бы не тратить на тебя пулю, когда рядом хватает дичи поинтереснее.

– Я бы посмотрел, как ты рискнешь! – оскорбился Тук и описал в воздухе кружок, искрясь крупными светом. Говорю же, мультяшка, да и только.

Рядом промелькнула тень, а когда ее догнало жужжание крыльев, за спиной у Красношапочника уже висела в воздухе стройная фигура в черной броне фэйри, размером чуть меньше Тука, и кончик черного копья аккуратно касался кожи на загривке сидхе. То была женщина-пикси, бледнокожая, темноволосая и с густо накрашенными глазами.

– Выбирай выражения, громадина, – пропищала она. – Пока я в неволе, генерал-майор может рассчитывать на мою помощь, хотя однажды я заберу его никчемную жизнь!

Поддавшись на отвлекающий маневр, Красная Шапка взглянул за спину, а когда снова устремил взгляд на Тука, обнаружил, что наконечник генеральского копья находится в непосредственной близости от его глазного яблока.

– Лакуна обожает меня! – пропищал Тук. – Обожает!

– Пока что мы соратники, – поправила его Лакуна, – но позже я тебя прикончу.

– У нас любовь! – не унимался Тук.

- Прикончу, – повторила Лакуна, – и заберу твои зубы.
  - Видите? – просиял Тук. – Она даже от зубов моих без ума!
- Красношапочник набрал полную грудь воздуха и рявкнул:
- Кыш!

Не успел этот возглас растаять в воздухе, как Тук с Лакуной упорхнули футов на двенадцать.

- О-хо-хо, Дрезден... – с грустью протянул сидхе.
- Отставить, генерал-майор, – приказал я. – Тебя, Лакуна, это тоже касается. Сегодня он враг моего врага.
- Двойной враг! – охнул Тук и покрепче сжал копьё.
- Нет же, идиот! – подлетела к нему Лакуна. – Это значит, что сегодня он наш союзник!

Тук перехватил копьё обеими руками на ширине плеч и торжествующе закружился в воздухе:

- Моя подружка такая умница!
- Я тебе не подружка, – угрюмо напомнила Лакуна. – Я военнопленная.
- Должен заметить, Гарри, – продолжил театральным шепотом Тук-Тук, – что это не настоящая пицца, а полуфабрикат. Как тебе не стыдно?!
- Она символическая, – объяснил я.
- Символическая? Это отстой, а не пицца! – крикнул Тук.
- Все равно тебе вредно есть пиццу, – заметила Лакуна.
- Значит так, ребята, – вмешался я. – Пицца в опасности. Вся пицца на свете. Эти слова привлекли их внимание.
- Что?! – пришел в ужас Тук-Тук.
- Что?! – подхватила Лакуна, чье личико расплылось в радостной улыбке.

Я вкратце рассказал, кто такая Этне, сопровождая объяснения пантомимой на уровне детского сада, после чего заключил:

- А теперь она хочет убить всех людей.
- Так-так, – с одобрением кивнул Тук.
- И меня, – добавил я.
- Так-так, – оптимистично подтвердил Тук и стал ждать продолжения.
- И всех, кто печет пиццу, – сказал я.
- О нет! – взвыл пикси и описал в воздухе вертикальный круг. – Нет-нет-нет!
- Так было бы лучше для твоих зубов, – сказала Лакуна. – О да, определенно лучше.
- Для зубов?! Чтоб их звезды забрали, женщина! – вконец осерчал Тук.

Лакуна потрясенно охнула.

– Не бывать этому! – возвестил генерал-майор. – Такого я не потерплю! Мы будем драться!

Вращаясь вокруг своей оси, он взмыл над улицей, крошечный и такой разъяренный, что светился все ярче и ярче.

- Мы будем драться! – отражалось от каменных стен звонкое эхо.
- МЫ БУДЕМ ДРАТЬСЯ! – раскатывался по кварталу писклявый рык Тук-Тука.

И тут случилось нечто неожиданное.

На замок Марконе посыпались звезды.

Только что в командном пункте кипели дела. И вдруг сияющие огоньки – крошечные, размером со светодиод в рождественской гирлянде, и покрупнее, величиной с надувные мячи, – стали спускаться с небес, вылетать из-за углов, из трещин в каменной кладке, подниматься с кустов и лужаек, соскальзывать с деревьев. Через считанные мгновения освещенная факелами ночь, полная дрожащих теней, сменилась вездесущим рассветным сиянием многокрасочной зарницы, осветившим не только замок, но и несколько соседних кварталов. Пикси

прибывали не парами или десятками, но сотнями и тысячами, и этому воинству не было видно ни конца ни края.

Тук-Тука взяли в плотное кольцо штук тридцать самых крупных и свирепых воинов его племени. Все они были вооружены и снаряжены по образу и подобию своего предводителя: каждый в волшебной броне тонкой работы и с маленьким орудием убийства, заточенным до бритвенной остроты. Гвардейцы Ца-Лорда были готовы пролить кровь. И более того...

Я понял, что наблюдаю за чем-то таким, чего прежде не видел. Да и не особенно слышал, чтобы такое случалось.

Маленький народец мобилизовался на войну.

Из-за пиццы.

Адские погремушки!

Ну что ж...

Хочешь, чтобы тебе помогли? Сделай так, чтобы проблема затрагивала окружающих и их среду обитания.

– Идиоты, – прошептала Лакуна. – Могли бы переждать битву в укрытии, а потом забрать у покойников все зубы.

– Ты в высшей степени жуткое создание, хоть и небольшого роста, – заметил я.

– Спасибо, – со всей серьезностью произнесла Лакуна.

– Откуда взялись эти доспехи? – спросил я.

– В день солнцестояния броню и оружие доставили по приказу леди Молли, – ответила пикси. – Вместе с пиццей.

Я оглядел ее наряд:

– Раньше у тебя на кирасе были зазубренные крючки. Куда они делись?

Она фыркнула и бросила на меня надменно-недовольный взгляд:

– Генерал постоянно ранился об них. Знал, что я взамен обязана выхаживать его до полного выздоровления. В общем, пришлось от них отказаться.

– Тили-тили-тесто, – с ухмылкой начал я, – жених и...

И наконецник копыта очутился меж двух моих резцов.

– Попробуй допеть заклинание до конца, чародей, – предупредила Лакуна, – и я проткну тебе нёбный язычок.

Перестань я ухмыляться, непременно порезал бы губы. Поэтому постоял немного со стиснутыми зубами и фальшивой улыбкой на физиономии, а затем промычал:

– Угу.

Без сколько-нибудь заметного сигнала Лакуна взвилась в воздух, где присоединилась к гвардейцам Ца-Лорда, после чего все три десятка маленьких воинов яркими и стройными рядами ринулись вниз и в боевом порядке синхронно опустились на крышу. Классическая супергеройская посадка, удар кулачков по крошечным нагрудникам, и металл фэйри зазвенел, как хор ветряных колокольчиков.

– Милорд! – пронзительно объявил Тук. – Гвардия готова сослужить тебе службу и выставляет бойцов на защиту пиццы!

Я поднял глаза, и... Оказалось, в небе кружатся крошечные огни. Десятки, если не сотни тысяч сказочных малышей. Диаметр этой окружности составлял примерно полмили, и она медленно вращалась, словно все это колесо, вся эта... гигантская пицца из малюток-фэйри отцентрована умелыми руками.

И ее центр находился прямо у меня над головой.

Разговоры стихли, когда мрачный замок затопило светом, и на крыше воцарилось молчание. Я опустил глаза. Мэб и обе Леди смотрели на меня с понимающими улыбками. Остальные, от вурдалаков до старейшин Белого Совета, от свартальвов до сасквоча, просто глазели

то в небеса, на головокружительную мандалу маленького народца, то на отряд коленопреклоненных воинов, ожидавших моей команды.

Затем все уставились на меня.

В глазах Мэб сверкала бесконечная гордость.

Честно говоря, я не знал, что делать, поэтому начал импровизировать.

Опустившись на колено перед миниатюрными воинами, чтобы обратиться к ним, словно капитан футбольной команды к игрокам, я указал на труп кальмара-убийцы и спросил:

– Видите?

Тук свирепо зарычал, и гвардейцы последовали его примеру. Все это выглядело невероятно мило.

– Злодеи поручили этим тварям убить важных людей, охраняющих пищу, – продолжил я. – Убийцы летают под вуалью. Нужна ваша помощь. Защитить нас не может никто, кроме маленького народца. Мне надо, чтобы один отряд остался здесь, а еще один отправился к посольству свартальвов. Перехватывайте этих существ. Что касается всех остальных, пусть отправляются на охоту. Самые маленькие будут высматривать врага. Если заметите, что злоумышленники передвигаются под вуалью или скрытно себя ведут, накидывайтесь на них всей гурьбой, чтобы большие люди обратили на вас внимание и вступили в бой. В общем, убейте всех кальмаров, которых увидите.

– Прикончить этих тварей. – Тук указал на труп ассасина. – Охранять этот дом и дом свартальвов. И подсвечивать скрытных злоумышленников, чтобы их заметили безмозглые громадины.

– Вот именно, генерал, – подтвердил я. – Справишься?

Он вскочил на ноги и взмыл к моему лицу, и гвардейцы сделали то же самое. Вскинув копье на плечо, Тук ударил кулачком в грудь, отчего вновь запел металл фэйри, а затем развернулся и стал отдавать приказы. Он неистово жестикулировал и говорил так быстро и пронзительно, что мои громадные уши мало что улавливали. Несколько гвардейцев умчались к облаку маленького народца, где притянули к себе плеяды сияющих огоньков и разлетелись во всех направлениях.

Результат стал заметен через считанные минуты. Густые облака пикси, слишком маленьких, чтобы сражаться поодиночке, роились вокруг мечущихся кальмаров, рассекая небо световыми полосами. Когда заметили первого, сам Тук рванулся к нему, крепко сжимая копье, и Лакуна тоже встала на крыло, а секундой позже эти двое принесли к замку мертвого ассасина и торжественно бросили его к моим ногам. Их броню и копья запятнал ихор. Маленькие лица лучились самодовольством.

– Нормально? – спросил Тук.

– Хвалю, генерал, – твердо ответил я. – Продолжай, пока они не закончатся. Иначе битва проиграна.

– Не позволим лишить нас пищи, – мрачно заявил Тук-Тук.

Лакуна тяжело вздохнула.

Затем оба зигзагом умчались в ночь.

– Впечатляет. – Красношапочник проводил их взглядом, с легким разочарованием опустил глаза на пистолет и сунул его в кобуру на поясице. – Как ты умудрился приручить такую уйму пикси?

– Секрет фирмы. – Я старался не думать, сколько пищи уйдет на погашение долга перед этой ордой. Ну да ладно, выставлю счет Марконе. Строго говоря, мы защищаем его территорию. – У меня все. Можешь быть свободен.

Красная Шапка прищурился, но учтиво кивнул и вернулся к Молли, принимавшей донесения у подконтрольных ей отрядов маленького народца.

Мэб подошла ко мне и какое-то время стояла, глядя в ночь. Примерно раз в минуту пикси сбивали очередного кальмара, и все это походило на августовский звездопад.

– Смертные задаются вопросом, – наконец подала голос Мэб, – что лучше: вселять ужас или быть любимым.

– Ваш ответ я уже знаю, – сказал я.

– А я знаю твой. Но, по существу, они любят не тебя, – задумчиво произнесла она.

– В принципе согласен, – кивнул я. – Но благодаря мне у них появилось нечто любимое. Нечто объединяющее.

Мэб бросила на меня вопросительный взгляд.

– Если объединиться вокруг объекта любви, – объяснил я, – все меняется. Все видят друг друга в новом свете. Появляется сообщество. Нечто большее, чем сумма слагаемых.

Похоже, Мэб не понимала, о чем речь, и я попробовал зайти с другой стороны:

– Любое сообщество требует инвестиций, и его члены готовы сражаться за свои вложения.

– Ах вот как. – Мэб одобрительно подняла брови. – Ты нашел слабость в психологии пикси и научился манипулировать ими. Предоставил им новые ресурсы и сделал так, что теперь пикси перед тобой в долгу.

– Я научил их видеть себя по-новому.

– Нейромантия? В твоих руках? Ты, верно, добился леденящих кровь результатов.

– Знаете... – вздохнул я. – Просто поверьте на слово. Бессмертным такого не понять.

– Ясно, – с пренебрежением обронила Мэб. – Однако эта демонстрация впечатляет. Сегодня ты нагнал страху на весьма самоуверенных существ, и я нахожу это забавным.

– Да, но оно просто... само так получилось. – Я устало облокотился на ограждение и пожалел, что под рукой нет сэндвича.

Ни с того ни с сего я чихнул с такой силой, что едва не разбил лоб о каменный зубец. К призвариту я уже привык, а посему не удивился, когда из организма выплеснулся поток энергии, и материя Небывальщины обрела форму, характерную для мира смертных. Я даже успел вскинуть руки и отбить падавший на голову клаб-сэндвич. Тот отскочил, перепачкав мне плечо, упал к ногам и вскоре превратился в липкую эктоплазму.

У Мэб сделался такой вид, будто я, сидя за обеденным столом, приступил к препарированию свиного эмбриона. Она медленно качнула головой:

– Едва ты начал производить на меня впечатление...

– Ох, чтоб беда, – пробормотал я и выудил из кармана носовой платок.

Дурацкий призварит.

Когда я сморкался, в ночи прогремел первый взрыв.

Все замерли.

Восточнее и чуть южнее нас к небу взметнулся яркий огненный столб. Ударная волна докатилась до замка. Получив воздушный тычок в грудь, я выдохнул:

– Неужели это?..

Мэб выпрямилась. Над ее челом сгустился холодный свет, диадема мерцающих льдинок, за которой тянулась вуаль крошечных хлопьев снега. Все на крыше смотрели, как Королева Воздуха и Тьмы поднимает лицо к ночному небу и начинает говорить. Ее голос не был похож на раскаты грома; нет, он плавно уходил в самую землю и нежной музыкой резонировал от всех окрестных поверхностей.

– Нации договора, – спокойно объявила Мэб. – К оружию. Смертные Чикаго, оставайтесь дома, поскольку другого убежища у вас нет. В город явился враг.

Глава 8

Мой желудок исполнил сальто-мортале.

В глубине души я еще с вечера прекрасно понимал, что события такого масштаба просто не могут остаться незамеченными. Подобные разрушения нельзя замести под ковер, и такому количеству свидетелей невозможно заткнуть рот. Чем бы ни закончилась битва, кто бы ни победил, одно можно сказать наверняка.

Мир изменится.

Смертные не закроют глаза на то, что произойдет сегодня ночью.

Уже некоторое время я понимал это на инстинктивном уровне, но осмыслил по-настоящему лишь тогда, когда услышал воззвание Мэб, самым магическим образом донесенное до смертной популяции Чикаго.

Ни о какой скрытности не могло быть и речи.

Господи. Этой ночью запросто мог претвориться в жизнь мой худший кошмар о конфликте мира смертных с миром сверхъестественных существ. Последующая за ним война станет новым эталоном варварства, и нельзя исключать, что этот конфликт зарождается прямо здесь, у меня на глазах.

Если Этне продолжит гнуть свою линию, войны между двумя мирами не избежать. Поэтому титаншу надо остановить. И черт побери, чем быстрее, тем лучше.

Но – звезды и камни! – что бы ни произошло сегодня ночью, крепкие стены, веками отделявшие обычный мир от сверхъестественного, непременно рухнут, и вряд ли кто-то представляет, к чему приведет подобное обрушение.

Соберись, Гарри.

Спаси город.

Останови титаншу.

Не облажайся.

Пока я собирал остатки мужества в кулак, Мэб приступила к делу и завела негромкий разговор со Слушающим Ветер. После короткой беседы старый шаман почтительно кивнул, шепнул что-то Дикому Биллу, а затем кувырнулся через ограждение и скрылся из вида. Ударом сердца позже громадный филин бесшумно воспарил над замком и устремился к месту взрыва.

Вдали загремели выстрелы. Не те, что слышишь время от времени, когда автомобильный двигатель дает обратную вспышку. Нет, это были щелчки, наводившие на мысль о фильме про войну.

Пару секунд Мэб прислушивалась к этому хрусту смертоносного попкорна, после чего остановилась возле круга Марты Либерти, о чем-то спросила, выслушала ответ одной из марионеток и подошла к Ларе Рейт. Началась недолгая беседа, во время которой обе то и дело кивали.

Ко мне тяжело подступил Эбинизер. После напряженного молчания он откашлялся и спросил:

– Как держишься, Хосс?

– Думаю, мне пора. Взрывы, стрельба... – Я кивнул вдогонку Слушающему Ветер. – Правильнее находиться там, а не здесь.

– Помнишь самый трудный урок? – хмыкнул старик.

– Вы о том, что иногда надо придержать коней?

– Так точно, – хрипло подтвердил он, облокотился на зубец ограждения и уставился в ночь.

В стеклах очков моего деда отражался свет фальшфейеров, зажженных в нескольких кварталах от замка.

– Что ж, – продолжил он, глядя, как маленький народец уничтожает очередного кальмара, – сегодня ты должен оказаться в нужном месте в нужное время. Поэтому жди, пока мы не сколотим подмостки для твоего выхода.

Я ждал кулаки. Он был прав. Я знал, что он прав. Но это не значило, что его позиция меня устраивала.

– Страшное это дело, Хосс, – очень тихо произнес Эбинизер.

Я повернулся к нему и обратился в слух.

– Страшное это дело – видеть, как ты раз за разом лезешь под перекрестный огонь. С твоей матерью было то же самое. Она все сильнее отдалялась от других чародеев. Связалась с дурной компанией. – Он сердито покосился на Лару и Мэб. – Я, черт возьми, не знал, что делать. И что сказать ей, тоже не знал. – Он снова откашлялся и моргнул. – Проклятье, Хосс, ты получаешь все новые раны, и я не в силах этому помешать.

Не исключаю, что я тоже моргнул разок-другой, после чего прислонился к зубцу рядом со стариком.

– Что тут скажешь... Иной раз меня тянет... во всякое.

В углах его глаз появились морщинки.

– Ты не умеешь стоять в стороне. Это не предположение, а констатация факта.

– Может, у меня был не лучший учитель?

– Ох, наглец! – Дед бросил на меня возмущенный взгляд.

– По-вашему, я ошибся с выбором? – вздохнул я.

– По-моему, все, кто сближается с Мэб, рано или поздно жалеют об этом, – беззлобно ответил старик. – Ты оказался в очень опасном обществе, Хосс.

– Пока что Мэб играет по правилам, – возразил я.

– Вот именно. И ты теряешь бдительность. Расслабляешься, как будто так и надо. – Эбинизер покачал головой. – Она бессмертна. Ей спешить некуда, вот она и оплетает тебя паутиной, тебя и твою ученицу, по ниточке зараз.

Мне вспомнились глаза Молли. Это были не ее глаза. Чужие, с кошачьими зрачками.

– Да, дело рискованное, – признал я, – но решение я принял в здравом уме. Фундамент моего могущества – свобода воли. Отобрав ее, Мэб лишится элитного бойца. Так что я остаюсь собой, сэр.

Старик взглянул на меня из-под кустистых седых бровей.

– В этой игре ты делаешь непомерную ставку, – сказал он чуть мягче.

– Неужели ошибаюсь? – спросил я.

– Бывает, вассалы впадают в немилость, – ответил он, поиграв желваками. – Бывает, их подталкивают в спину. А ты и так стоишь на самом краю, Хосс.

– С открытыми глазами, – сказал я. – И по собственному выбору.

– Так точно, – хмыкнул старик. – Но кто сказал, что я должен этим восторгаться?

– Я тоже не особенно радуюсь, – признался я. – Однако как есть, так есть.

– Тебе надо оставить Зимний двор. – Он посмотрел на Мэб, и глаза его сверкнули за стеклами очков.

– Только не без Молли.

– Скажи-ка, мальчик, – вздохнул старик, – почему Мэб выбрала именно ее?

– Только не без Молли, – повторил я прежним тоном.

– Проклятье, – ругнулся Эбинизер, но сменил тему. – Следующим делом она начнет забивать гвозди, чтобы зафиксировать тебя в удобном положении.

– В каком, например?

– Это, мальчик, одному Всемогущему известно. Может, сыграет на чувстве ответственности. Господь свидетель, оно у тебя очень развито. Будь ты сверх меры заинтересован в богатстве, Мэб отяготила бы тебя золотом. Или властью и влиянием. Может, медку бы добавила

поверх всего этого. Так или иначе, на первый взгляд все будет очень мило, но в итоге ты окажешься на коротком поводке.

– Сэр, – сказал я, – если оглянуться в прошлое, станет ясно, что на поводке я не работаю. Вообще ни с кем.

– Мэб не школьный тренер, Хосс. – Старик тихонько фыркнул. – И не кучка встревоженных старых балбесов, помешанных на безопасности. – Он покашлял. – И не дряхлый фермер, которому безразлично, что с тобой станет.

Я положил руку ему на плечо и сжал пальцы.

В ответ он кивнул и продолжил:

– Я буду делать то, что считаю нужным. Для тебя, Хосс. Это моя обязанность. Разве я могу поступить иначе?

– Вы как старая заноза, накрепко засевшая в ягодице, сэр, – сказал я грустно, но с улыбкой. – И вам всегда виднее.

– Ну, свои уроки я так и не выучил, – признался он.

Тут снова что-то взорвалось, но теперь с другой стороны, далеко на севере. Звук был тише и объемнее: не «бабах», а скорее «бубум». На четверть минуты вспышка высветила очертания городского квартала, хотя источник света мы не видели.

Желудок опять перевернулся, и по телу прошла тревожная волна. Огонь... И снова стрельба.

Мы были слишком далеко и не слышали криков.

Пока что.

Сердце забило быстрее.

– Наверное, взорвался топливный бак, – сказал я. Вернее, просипел, поскольку у меня сдавило горло.

– Наверное, – согласился старик.

Окинув меня взглядом, он без лишних слов сунул руку в карман комбинезона, извлек фляжку и протянул ее мне.

Я открыл и понюхал, затем отхлебнул. Вода. Я с удовольствием промочил горло.

– Рвануло неподалеку от посольства свартальвов.

– Там держат оборону люди Этри, а сам он отдает приказы. – Дед хмыкнул. – Архив тоже там.

– Ива? Мне казалось, она придерживается нейтралитета.

– Так и было, пока Этне не пригрозила ей в числе прочих, – сказал Эбинизер. – Архив осознает необходимость самосохранения – ведь если Этне хочет поработить человечество, в процессе титанша обязана искоренить умение читать и писать.

– Хм... – задумался я. – По-моему, дело не только и не столько в этом...

Старик взглянул на меня, и я пожал плечами:

– Ива... Она на нашей стороне. На стороне людей. Причем на самом фундаментальном уровне.

– Почему ты так решил?

– Смысл ее существования – запись и сохранение знаний, – объяснил я. – А они исчезнут вместе с людьми. Нечего будет записывать и сохранять, да и причин для этого не останется. Для реализации экзистенциальной цели Ивы не обойтись без нас, людей.

– На это я бы не слишком надеялся, – заметил Эбинизер, – но в твоих словах есть здоровое зерно.

Красношапочник, на какое-то время спустившийся в замок, вернулся на крышу с большой черной нейлоновой сумкой для снаряжения. Он приблизился к Молли, и та подняла глаза, жестом отослала прочь нескольких гонцов маленького народца и встала на ноги. Забрав сумку, подошла и поставила ее у моих ног:

– Вот. – Она окинула меня взглядом. – Тебе пора сменить наряд. Ступай переодеваться. Я приподнял бровь, затем наклонился и открыл сумку.

Там лежала одежда, оставленная мною в квартире: джинсы, футболка и зачарованный кожаный плащ, а также портупея со здоровенным старым револьвером для отстрела монстров и двуствольный обрез в чехле на патронташе, набитом разноцветными патронами.

– Облачайтесь, сэр Рыцарь, – подмигнула мне Молли.

– Адские погремушки, – пробурчал я, – что я тебе, кукла Кен со сменными костюмчиками?

– На твое счастье, внешней обороной командует Леанансидхе, – сказала Молли. – Тетя Леа настаивала бы, чтобы ты оделся как положено.

Ее улыбка потускнела. Судя по глазам, она подыскивала нужные слова и наконец осторожно произнесла:

– Гарри, сегодня ночью меня не будет рядом.

– Что? – обмер я. – Почему?

– Не могу сказать, – поморщилась Молли, и в ее глазах промелькнуло разочарование. – Но так надо. У меня появились неотложные дела.

Я сделал глубокий вдох. Как-никак я рассчитывал, что Кузнечик прикроет мне спину. Ведь она, черт побери, теперь бессмертная.

С другой стороны, она по-прежнему Молли.

Какое-то время я смотрел ей в глаза. Мы уже знали, кто таков каждый из нас, и я видел ее потенциал, темный и ужасающий, и ее силу, которую можно использовать во зло или во благо. В зависимости от решения Молли. Вопрос только в том, кто теперь принимает решения: Молли или некто другой. Осталась ли она той девушкой, которую я знал.

Но спорить было бессмысленно.

Если Молли говорит, что ей надо уйти, значит тому есть чертовски весома причина.

– Ладно. – Я подмигнул ей. – В том смысле, что... Хреново, но ладно.

На миг она изумленно вскинула брови, а затем сжала мои ладони и одарила меня ослепительной улыбкой. Кивнув Эбинизеру, Молли поманила пальцем Красную Шапку, словно он был вышколенным псом, после чего оба покинули командный центр и скрылись внизу. Как видно, они собирались покинуть замок.

И я почувствовал себя чуть более одиноким, чем секунду назад.

Не сказать, что живот сводило судорогой, но... напряжение росло, и внутренняя дрожь никак не прекращалась. Кругом начиналась война, а мы стояли, ждали и ничего не делали.

Взорвался еще один автомобиль, на сей раз далеко на юге. Кальмар-убийца почти долетел до крыши, но Лакуна пронзила его копьем и пришила к столу в шести дюймах от руки Ваддерунга. Не отвлекаясь от карты, Одноглазый рассеянно высвободил наконечник, выбросил кальмара за стену и протянул копьё малышке-фэйри.

К нам подошел чародей Кристос, величавый и торжественный в своей мантии поверх костюма, и прошептал что-то Эбинизеру на ухо. Старик кивнул, по-дружески стукнул меня кулаком в плечо и направился к углу крыши, по пути негромко переговариваясь со старейшиной Совета.

Стоять в одиночестве и бездельничать я не мог, поэтому схватил нейлоновую сумку и ушел в раздевалку спортзала, где занялся тем, чем обычно занимаются в раздевалках. Там былолюдно. Из обесточенного города то и дело прибегали эйнхерии, надевали доспехи и хватали оружие из оружейного сейфа.

Я успел раздеться до трусов, когда мужчина размером с небольшого белого медведя захлопнул шкафчик и удалился, по пути застегивая накладку на предплечье, и в раздевалке не осталось никого, кроме меня и джентльмена Джонни Марконе.

Барон-разбойник Чикаго в майке и слаксах надевал чешуйчатый жилет из какого-то высокотехнологичного материала. Судя по тесной посадке, броню изготовили на заказ. Я лишь однажды видел Марконе без костюма, и в тот раз он находился в скверной форме. Несмотря на возраст, барон отличался телосложением боксера-полутяжеловеса. Мускулы его предплечий натягивались, как стальные канаты. Наконец Марконе справился с жилетом, надел рубашку и стал застегивать ее на все пуговицы.

– Вы забыли следующий шаг в процессе одевания, Дрезден? – спросил он, не глядя на меня. – Или это что-то вроде сексуальной рекогносцировки?

– Перепалка в раздевалке? Неужели? – Я с громадным достоинством натянул джинсы, по штанине зараз.

– Я-то думал, такие разговоры вам по душе, – парировал Марконе.

Я фыркнул и продолжил одеваться. Марконе нацепил портупею с пистолетом под каждой подмышкой.

– Чуть раньше я видел, как вы говорили с титаншей.

Казалось, он смотрел в другую сторону, но я понимал, что барон не выпускает меня из виду.

Следующие слова были позорными и горькими на вкус, но я сумел их произнести:

– Это был храбрый поступок.

– Ого! – Марконе криво усмехнулся. – Трудно было это сказать, наверное?

– Не представляете насколько, – кивнул я и сплюнул в корзину для мусора.

Марконе влез в пиджак и разгладил его так, чтобы ткань скрыла пистолеты.

– Знаете, чем храбрость отличается от безрассудства, Дрезден?

– Любой страховой агент ответил бы, что ничем.

От шутки он отмахнулся, будто та не заслуживала реакции, и продолжил:

– Все дело в ретроспективном взгляде. Пока не увидишь долговременных последствий, любое действие будет одновременно храбрым и безрассудным. И ни тем ни другим.

– Что ж, – сказал я, – по-моему, вы только что заслужили медаль Шредингера.

Секунду-другую Марконе обдумывал мою фразу, а потом застегнул еще одну пуговицу.

– Да. Наверное, заслужил. – Он помолчал, глядя на меня. – Не припомню, чтобы вы были в зале, когда я говорил с Этне.

– Может, я наконец-то научился не лезть на рожон?

– Не в этом дело. – Марконе склонил голову к плечу и нахмурился. – Честно говоря... я не заметил бы вас только в одном случае. Если бы вас там не было.

Ладно, хорошо. Иногда и плохие парни бывают правы – более или менее. Я умолк и продолжил одеваться.

– Дрезден, – сказал Марконе, – мне нравится работать с вашей королевой. Дела она ведет просто восхитительно. Но не думайте, что между мной и вами возникла хоть какая-то личная приязнь.

– И в мыслях не было, – отозвался я.

– Вот и славно. Значит, нет необходимости объяснять, как сурово я буду вынужден отреагировать, если вы с помощью одной из типичных для вас... махинаций рискнете покуситься на мою территорию или суверенные права, обеспеченные Неписанным договором.

– В самом деле? – изумился я. – Вы что, надумали мериться тестостероном? Прямо сейчас?

– Я намерен пережить эту ночь, Дрезден, – сказал Марконе. – И сохранить все, что завоевал. Я выживальщик. Вы, как ни странно, тоже. – Он вежливо кивнул мне и продолжил рассудительным тоном, от которого мурашки ползли по коже, поскольку за этой безмятежной ширмой скрежетал нерушимый гранит: – Хочу лишь, чтобы вы знали, что я намерен продолжить начатое. Завтра я все еще буду здесь – и вы, Богом клянусь, проявите уважение.

– А если нет? – легкомысленно спросил я, но во взгляде Марконе не появилось ни капли легкомыслия.

– Тогда я вспомню о правах, которыми пользуюсь в рамках договора Мэб. И ваша Королева не защитит вас.

По внутренностям прошел холодок, сверху вниз, до самых пяток. Марконе накрыл меня с поличным. Я действительно покушался на его территорию, означенную в Неписаном договоре. Причем не однажды. Просто Марконе не торопился щелкать по носу Белый Совет, у которого не было ни малейшей охоты склонять голову перед обладателем меньшего влияния. Навскидку, я понятия не имел, какой будет кара за подобный проступок, но представление Мэб о правосудии трудно назвать прогрессивным. Напротив, ее позиция чертовски незыблема: нарушив закон, я заслужил бы соответствующее наказание, и статус Зимнего Рыцаря не имел бы никакого веса. Разве что перед казнью Мэб разгневалась бы куда сильнее обычного.

«Проклятье, Томас! На кой черт было втягивать меня в такие неприятности?»

– Раз уж мы откровенничаем, – сказал я, – знайте, что я по-прежнему считаю вас засранцем. И уверен, что вы в ответе за беды и несчастья многих хороших людей. И однажды я вас уничтожу.

Какое-то время Марконе сверлил меня жестким взглядом. Он не боялся смотреть мне в глаза. Давным-давно мы обменялись духовзглядом, и я прекрасно помнил его нутро – холодное, бесстрашное, хищное нутро царя зверей, по некой причине имеющего человеческое обличье.

Наконец он улыбнулся.

Такой улыбке позавидовал бы серый волк.

– Отлично, – сказал барон-разбойник Чикаго и ушел.

Я вернулся на крышу. На лицо легла влажная духота летней ночи. Плащ грузно висел на плечах. Сегодня в нем было жарко, но тяжесть зачарованной кожи успокаивала. В левой руке я сжимал посох. На одном бедре висел здоровенный револьвер пятидесятого калибра, на другом – обрез, заряженный «дыханием дракона»¹⁰. Плащ Стража я пристегнул к плечу, чтобы он подтверждал мою лояльность Совету, не причиняя дополнительных неудобств в этой жаре.

На восточном краю крыши собрались в молчаливую группу Мэб, Лара, старейшины, Ваддерунг, Эрлкинг и Летняя Леди. Над ними нависал Речные Плечи. Все смотрели в ночь, освещенную теперь множеством огней. Дующий с озера ветер приносил завитки черного дыма и легкий запах горелой резины.

Я опустил глаза на собственную тень. Беспокойные очертания длинного плаща. Длинный тонкий посох. Контур лопухой головы с грязной растрепанной шевелюрой.

Все это свойственно мне уже давно – и плащ, и посох, и поза, и отношение к миру. Вы, наверное, думаете, что на одном из этапов карьеры Гарри Дрезден повзрослел, но во многом я остался все тем же тупицей, много лет назад открывшим агентство частного сыска.

На этой крыше собрались самые влиятельные монстры, легенды, даже боги этого мира. Они стояли бок о бок, вглядываясь в ночь, и им было страшно.

За маской спокойствия, уверенности, безжалостного расчета, сверхъестественного могущества скрывался страх. Монстры, легенды и даже боги – боялись.

А я – всего лишь я.

Я сделал глубокий вдох и, скрипя кедами, подошел к остальным. Эрлкинг кивнул мне, когда я остановился рядом с ним.

– Слышишь? – Он указал туда, где прогремел первый взрыв. – Началось.

---

¹⁰ «Дыхание дракона» – зажигательные патроны с пиротехническим зарядом.

Стрельба набирала лихорадочный темп. Время от времени бухало что-то тяжелое. Может, гранаты? Я не особенно разбираюсь в грохоте военного оружия.

– Там, – Эрлкинг провел пальцем от севера к югу, – в этом темном промежутке стоят мои войска. Вынуждают фоморов идти севернее или южнее. Видишь огни?

Я присмотрелся. Да, вижу. Вокруг боевых порядков начали разжигать костры.

– Их слишком много, – выдохнул я.

Эрлкинг кивнул:

– Да. Но это временно. Не отвлекайся. Надо победить Этне, а не Корба с его армией.

– Верно. – Я смотрел, как загораются новые огни, и город окутывает дымовая завеса. – Согласен. Сохраняем спокойствие.

У меня подвело живот, и я смутно понимал, что в глубине души разъярен. Ведь враг пришел, чтобы уничтожить моих соседей, мой город, мой дом, и одними кострами его не остановить, ведь настолько жарких костров попросту не бывает. А я стою на крыше и ничего не делаю.

Я стиснул посох так, что заныли костяшки пальцев.

– Контакт! – крикнул один из эйнхериев.

Ваддерунг без промедления подал знак другому из стоявших рядом бессмертных воинов, и тот вскинул к плечу гранатомет с барабаном как у гигантского револьвера. Прицелился, выстрелил трижды – бум-бум-бум, – и несколькими секундами позже с неба посыпались огни, пролившие свет на окрестности замка.

Двуногие силуэты – вернее, тени, беззвучно пробиравшиеся дворами, улицами и переулками, – мгновенно замерли, а те, что остались в сумраке, стали передвигаться куда активнее прежнего.

– Готовься! – прогремел голос Марконе.

Обернувшись, я увидел, как на крышу выходит барон Чикаго. Слева от него шествовала Гард, справа – Хендрикс. Не обратив на меня внимания, Марконе встал рядом с Ваддерунгом:

– Ударная группировка?

– По-моему, легкая пехота, барон, – ответил Одноглазый, вглядываясь в ночь. – Передовые отряды. Разведчики. Основные силы еще не вступили в бой.

Марконе кивнул.

– Не стрелять, пока не пойдут в атаку, – сказал он ближайшему эйнхерию, одному из самых рослых.

Тот передал приказ товарищам.

– Погодите, – сказал я. – В каком смысле – не стрелять?

На улице – на моей улице – звякнуло разбитое стекло.

Кто-то закричал. Я не понял, мужчина или женщина. Вопль был пронзительный и полный отчаяния. В ночной тиши он казался удивительно громким.

Кричали от ужаса. Кричал человек.

Человек, живший на моей улице.

За криком последовала бешеная пальба. Должно быть, кто-то схватился за пистолет. Еще один крик, нечеловечески резкий, с металлическим призывом. Затем долгий вой, вспышка, и что-то красное и мерцающее упало на автомобиль в сотне ярдов от замка. На четверть секунды все замерло, а затем взорвался бензобак, и машина превратилась в огненный шар.

Фигуры, то ли покрытые шерстью, то ли одетые в меховую одежду, бросились к открытым дверям первого из домов, в которых квартиры сдаются внаем. В таких жилищах редко можно встретить мало-мальски эффективные пороги, через которые сверхъестественные существа не могут переступить без приглашения, поэтому о какой-то защите против злых сил говорить не приходится.

Живот подвело от страха и ярости. Физиологические инстинкты побуждали броситься в бой, и хищническая территориальность Зимней мантии не возражала. О нет, ей только и хотелось, что защитить ареал обитания, причинить боль, разорвать врагов на куски, и эти желания пульсировали в моих венах с каждым ударом сердца.

– Вон там. – Я указал дрожащим пальцем. – Надо им помочь.

– В этом сражении у нас другая роль, – возразил Ваддерунг.

Снизу донесся еще один крик. На сей раз ошибки быть не могло.

Кричал ребенок. Пронзительно, на одной ноте.

– Хосс, – предостерег меня Эбинизер.

Но я его не видел. Поле зрения сузилось до размеров тоннеля. Грудь заходила ходуном.

Я взглянул влево. В тоннеле моего зрения Мэб казалась тонкой полосой бледного света.

Глаза ясные, кошачьи, прищуренные. Она наблюдала за мной.

– Надо помочь, – сказал я громче и тверже.

Мэб обнажила клыки.

– Нельзя, – ответил Эбинизер. – Хосс, их слишком много. Нельзя вступать в бой, пока не оценим обстановку.

Я окинул крышу взглядом. Затем сказал:

– Ну вас всех к черту.

И сделал то, чего старался не делать уже несколько месяцев. Скажу больше, каждый день я работал над тем, чтобы этого не случилось.

Я дал волю Зимней мантии.

Спрыгнул с крыши и устремился к земле, размахивая руками и ногами наподобие вертолетного винта в режиме авторотации. Врезавшись в тротуар, я позволил телу принять удар на точки естественного сгиба, кувырнулся вперед, а когда вскочил на ноги, уже бежал со скоростью и сноровкой дикого зверя.

Тяжелый глухой стук, и рядом со мной приземлился тысячефунтовый Речные Плечи. В груди у него урчал боевой рык, предвещавший тектонические сдвиги. Впереди взорвался еще один автомобиль. Огненный шар коснулся стены съемного дома, и та немедленно вспыхнула. Из дверей высыпали трудноразличимые человеческие фигуры.

А мы со снежным человеком – самым настоящим, Богом клянусь! – одновременно взревели от ярости, причем чей рев сильнее впечатлял, трудно сказать, и ринулись к незванным гостям.

Глава 9

Я учуял его примерно с шестидесяти футов – сильнейший запах, бьющий прямиком в ромбовидный мозг, – и волосы на загривке мгновенно встали дыбом.

Вы попадали когда-нибудь в логово хищника? Там пахнет звериным мускусом, мочой, подтухшим мясом, сладковатым костным мозгом и сухими изглоданными костями.

Такое же зловоние накрыло меня на подступах к чужакам с массивными, покрытыми шерстью телами и грубыми мускулистыми конечностями. Выбегая на боковую дорожку осажденного дома, я как следует разглядел первого нападавшего.

Почти как человек. Кожа цвета мокрого пепла. Рост примерно шесть с половиной футов. Мускулатура сухая, как у бегуна, способного в короткий срок преодолеть значительное расстояние. Волосы – буйная грива с вплетенными в нее перьями и когтями. Оленьи рога то ли растут из черепа, то ли как-то прикреплены к голове. Стройный торс в какой-то степени защищен тяжелой меховой мантией поверх длинного плаща, тоже мехового. В руке существо держало длинное копье из какого-то вороненого металла.

Заслышав нас, чужак развернулся и вскинул оружие. Раздался басовитый вой, и ладони существа обвил мерцающий красноватый свет. Он поднялся по рукоятке копья, по пути касаясь многочисленных пиктограмм, выгравированных на металле, и те вспыхнули одна за другой. Мне едва хватило времени сообразить, что дело кончится прицельным выстрелом, и, как только наконечник копья полыхнул малиновым светом, я отскочил в сторону.

Снова вой, теперь оглушительный, и асфальтовая глыба размером с половину мусорного бака в окружении подпаленных, подплавленных, пылающих осколков дорожного покрытия взметнулась к небу в десяти ярдах у меня за спиной.

Я упал, перекатился, вскочил и хотел перейти на бег, но наступил на чертов плащ Стража, чуть не удавился завязкой и снова упал.

Меня спас Речные Плечи. Как только чужак направил на меня копье, сасквоч недолго думая прыгнул вперед, опустив плечо – а плечи у него размером с колесо внедорожника, – и врезался в неприятеля, а это едва ли не хуже, чем когда в тебя врезается поезд. Примерно полтонны сверхъестественно мощных мускулов ударили чужака с той абсолютной точностью и концентрированной силой, что свойственны мастерам восточных единоборств. Копейщик, словно тряпичная кукла, отлетел назад и с характерным хрустом пришедших в негодность костей вмялся в громадный дуб, стоявший в палисаднике по-философски бесстрастно, невзирая на безжалостное кронирование там, где бывшие ветви пересекались с линией электропередачи.

Силуэт, упавший к корням дерева, был... Как бы помягче выразиться... Скажем так, бесформенным.

С первобытным ревом, от которого буквально разлетелись окна первого этажа, Речные Плечи повернулся к фасаду. Зимняя мантия подсказывала, что пришлые дикари попросту не смогут игнорировать подобный вызов.

Сбоку зашуршало. Я обернулся на звук и увидел второго чужака, еще крупнее и крепче первого. Он осторожно появился из-за угла за пределами видимости сасквоча и поднял копье, метя ему в спину.

Я поднапряг пресс, привстал из лежачего положения и прицелился чуть правее правой ноги. Обзор был отличный, поэтому я без труда и ненужных размышлений совместил мушку и целик здорового револьвера пятидесятого калибра и плавно спустил курок. Пуля – жуткое дело! – вошла мохнату в правую скулу, а вышла где-то в районе правого уха, и...

...И тварь развернулась, визжа от боли и обнажив кошмарные зубы-иголки, а затем бросилась на меня, выставив перед собою черное копье.

Адские погремушки!

Это зрелище должно было повергнуть меня в ужас.

Но ужас и Зимняя мантия – понятия несовместимые. Вместо того чтобы испугаться, я лишь отметил, что чужак, рванувшись ко мне на всех парах, ведет себя чрезвычайно глупо. Прильни он к земле, передвигайся по-змеиному непредсказуемо, мне было бы гораздо труднее прицелиться. Теперь же, в прыжке, он целиком и полностью отдался на милость законов ньютоновской физики, и предсказать, где он окажется в следующий момент, было проще простого.

Вторую пулю я всадил ему в горло с десяти футов, после чего откатился в сторону. Мохнатый тяжело шлепнулся на то самое место, где только что находился я, отрикошетил на дорожку перед домом и стал умирать, испуская булькающие звуки и содрогаясь в неприглядных конвульсиях. Я поднялся, перехватил посох поудобнее и чудом устоял на ногах, когда в ответ на рев сасквоча в доме завопили несколько луженых глоток, и эти вопли ни при каких условиях не могли сойти за человеческие.

Деревянные рамы с застрявшими в них осколками стекла вылетели наружу, и к нам устремились от шести до десяти голосистых супостатов. До сей поры, как видно, мы имели дело с доходягами, поскольку каждый из этой волны весил процентов на двадцать больше первых двух, а вдобавок все они были выше и, несомненно, сильнее.

– Дрезден, это Охотники! Убей их, не тяни! – С этими словами Речные Плечи метнулся к силуэту, с криком выбегавшему из двери, одной лапищей отбросил в сторону наконечник копья, а другой сдавил мохнатую шею.

Представьте себе карапуза, играющего с бананом. А теперь добавьте к этой картине побольше крови.

– Понятия не имею, о чем ты! – завопил я в ответ и едва успел вытряхнуть из-под рукава защитный браслет, как трое Охотников бросились в мою сторону, одновременно открыв по мне огонь из оглушительно воющих, пылающих копий.

Из-за напитанного энергией и объятого огнем щита стало жарковато, а угарный газ сделал воздух малопригодным для дыхания, и я отшатнулся, но Охотники, хоть и ослепленные облаком дыма, не сбавили темпа. Черные копья продолжали, шипя, выплевывать огонь, и тот расплескался по щиту, а некоторые заряды прошли мимо и угодили в дома на другой стороне улицы.

С неба свалился сасквоч. Он приземлился за щитом и тут же присел, чтобы уравняться со мною ростом. Из правой руки у него выпал неаппетитно-серый труп Охотника без головы.

– Гляди, – сказал Речные Плечи.

Я взглянул. На глазах у меня мертвое тело иссохло, сморщилось и сдулось, как наполненный воздухом бурдюк. Я почувствовал, как из него выходит энергия – так стремительно, что стоило зазеваться, и я ничего не заметил бы.

Другие Охотники взревели от варварской ярости. Громче прежнего.

– Сила павших передается всей стае, – прорычал сасквоч. – Быстрее!

Он снова взмыл в воздух, преодолев пятьдесят чертовых футов одним-единственным прыжком, и два громадных кулака обрушились на Охотника ростом футов семь, а то и выше. Второй раз бить не пришлось. После удара сасквоча любой протянет ноги и останется лежать смирно. Не останавливаясь, Речные Плечи метнулся к дымовой завесе. Снова взвыли Охотники.

Один выскочил из дыма, перепрыгнул через энергетический заслон так сноровисто, словно обладал не ногами, а пружинами, и тут же развернулся ко мне с копьём наперевес. Продолжая удерживать щит между собой и остальными Охотниками, я направил на вторженца здоровенный «смит-вессон» и стал нажимать на спусковой крючок.

Первая увесистая пуля вошла в центр масс. Чужак пошатнулся, но даже не поморщился. С рычанием он ткнул в мою сторону копьём, но я выиграл достаточно времени для второго

выстрела. Прежде чем Охотник вложил в удар вес своего тела, вторая пуля угодила ему чуть ниже и, должно быть, перебила позвоночник, поскольку мой противник шмякнулся оземь и...

...С оглушительным воплем зарылся пальцами в землю, а другой рукой направил копьё мне в лицо.

Я пригнулся и отбил наконечник стволом револьвера. Посыпались искры. Наскоро прицелившись, я отправил последнюю пулю Охотнику в лоб. Голова его запрокинулась, и не успел он завалиться в пыль, как стал иссыхать и скукоживаться.

Стая взвыла громче, звучнее, сильнее.

Я сунул револьвер в кобуру, метнулся вбок и опустил щит, одновременно пытаюсь не задохнуться в дыму. Споткнулся о кучу меха и дряблой кожи – как видно, Речные Плечи пришиб свою жертву насмерть – и вовремя восстановил равновесие, поскольку из дыма появился еще один Охотник, эталонный, чтоб его, образец всего их отродья, почти на фут выше меня, с бугристыми мускулами и неизменным металлическим копьём в руке. Он крутанул тяжеленным оружием, как крутит жезлом командующий на параде, и замахнулся, целя мне в голову.

Удар такой силы посохом не заблокируешь – разлетится в щепки. Поэтому я пригнулся, сдал назад и даже не увидел, а почувствовал, как с фланга заходит еще один Охотник. Отскочить-то я успел, но копьё прошло так близко, что рассекло мне штанину и оставило разрез на ребре подошвы.

Из дыма появились еще две фигуры, до ужаса громадные. Один Охотник запустил в меня черным копьём, а второй просто ринулся вперед, расставив руки и растопырив пальцы с грязными ногтями, похожими на когти.

Копьё угодило в левое плечо. При контакте наконечника с зачарованной кожей плаща брызнули искры, рожденные столкновением двух противодействующих энергий. Приятного мало. Такое чувство, что удар нанесли не копьём, а увесистой дубиной. Меня отбросило вбок, и организм наполнился нейтральным белым шумом, которым Зимняя мантия подменяет болевые ощущения.

Один из Охотников бросился ко мне – стремительно, будто живое копьё, – и новый удар пришелся в правый бицепс. Примерно в то же мгновение другой чужак – тот, что не следил за ногтями, – налетел на меня почти что под противоположным углом, но ударил не в бицепс, а в голень.

Я упал и сильно ушибся.

От такого взрыва ощущений я непременно лишился бы чувств и способности дышать, но на меня влияла Зимняя мантия, и с ее помощью я сумел извернуться так, чтобы уберечь кости от переломов. Лежа на земле, я набрал полную грудь воздуха, сосредоточился и выкрикнул:

– Repellere!

Созданная заклинанием полусфера невидимой и неодолимой силы растеклась плотной энергетической волной. Нападавших подбросило в воздух и отшвырнуло футов на десять, но в полете каждый изогнулся грациозной дугой, и все до единого Охотники приземлились на четвереньки, словно громадные страшные коты.

К тому времени я уже вскочил на ноги, но плечо работало хуже обычного, и я пришел к однозначному выводу, что оно вывихнуто.

Один из Охотников издал звук, похожий на свирепое хрюканье дикого вепря, опустил копьё и приготовился стрелять. Остальные посторонились.

Я выхватил из чехла свой обрез, вскинул его, одновременно взводя курки, и жажнул по неприятелю с обоих стволов.

«Дыхание дракона» – специализированные патроны для дробовика. По большей части их заряд состоит из твердых шариков магния.

Но умельцы Молли добавили к магнию белый фосфор.

Два одинаковых огненных шара с ревом вылетели из дульных срезов и расплескались по торсу главаря Охотников раскаленным добела облаком фосфорно-магниевого смеси.

Даже в глубине плоти горящий металл горел как ни в чем не бывало. И сам чужак, и пять футов травы вокруг него разом вспыхнули. С пронзительными воплями, грозившими повредить мне барабанные перепонки, враг жутко задергался, закружился вокруг своей оси и упал на четвереньки.

Я бросил обрез, повернулся к остальным троем и начал снова поднимать щит, но один из них опередил меня, и маленький нож с роговой рукояткой вонзился мне в бедро чуть ниже полы зачарованного плаща.

Такое чувство, что клинок был раскален добела. Боль давно уже не посещала меня на повседневной основе, и эта неожиданная гостья выпила остатки воздуха из моей груди. По ноге растекся жидкий металл, прожигавший до самого мозга костей, и в тот же миг плечо мне стянуло серебряными нитями, когда по натянутым нервам прокатился оглушительный сигнал тревоги от поврежденной вращательной манжеты.

Железо. Бич фэйри и сущее проклятие для их волшебства.

Зимняя мантия взвыла.

Покачнувшись, я упал на колено, схватился за костяную рукоятку и выдернул ножик из бедра, но тут же получил безжалостный пинок в грудь и шлепнулся на спину, прочертив в воздухе короткую дугу. Дышать стало нечем, из глаз посыпались искры, а в голове взорвалось что-то обжигающее. Я попытался сосредоточить волю, но враги уже навалились на меня и стали впиваться в тело загрубелыми ногтями. Они не только царапались, но еще и кусались, черт бы их побрал!

Внезапно земля задрожала от динозавровой поступи. Речные Плечи сгреб всех троих Охотников в крепчайшие объятия, а поскольку руки у него толще конской шеи, все закончилось чередой влажных хрустящих звуков. Сасквоч выпрямился, брезгливо отряхнул руки, и его жертвы упали на траву уже не отдельными особями, а некой бесформенной массой.

Видели фильм «Нечто»? Вот, что-то в этом роде, но более склизкое.

Теперь, когда ножа в бедре не было, Зимняя мантия стремительно приходила в себя. Я сделал вдох-другой, заставил себя подняться на ноги, и боль снова растворилась в холодном тумане. Вот оно, проклятие фэйри, наибольшая их слабость – и, пожалуй, моя. Железо. Боль, конечно, была жуткая.

– Скольких ты убил? – осведомился сасквоч.

– Троех, – ответил я. – А ты?

– Девятерых, – сказал он.

Что ж, ладно...

Девятерых так девятерых.

– Дым. – Речные Плечи выплюнул это слово как ругательство. – Одного мы упустили.

– С чего ты так решил?

– Их всегда тринадцать.

Горящий труп и его раздавленные соплеменники разом сдулись.

Что-то затрещало, и из дома, сокрушив добрую половину фасада, выломился Охотник, на полголовы выше сасквоча. Он вскинул копье и издал звериный рык такой силы, что, не будь автомобили обесточены, по всей улице сработала бы противоугонная сигнализация.

Держа тяжелое черное копье в одной руке, как асsegай, Охотник ринулся вперед с явным намерением пронзить сасквоча, но тот ловко увернулся – в прошлом я не раз видел такой прием в исполнении Мёрфи, – отбил наконечник в сторону и подступил вплотную к противнику, где ухватился за древко, пытаясь завладеть оружием.

Охотник протестующе взвыл и дернул копье на себя.

Крепкое железо, не выдержав такого напора, изогнулось и лопнуло, словно дешевый пластик, и Охотник тут же вогнал обломок копья в горло сасквоча.

Будь Речные Плечи человеком, умер бы на месте, но его шею окружали могучие мускулы, причем не одним слоем, а несколькими. Трапециевидные мышцы доходили до самых ушей, и в столкновении с таким обилием плоти металлический огрызок оказался бесполезен. Несмотря на это, другой рукой Охотник обхватил сасквоча за пояс, оторвал от земли и, как видно, собрался расплющить его о вековой дуб.

Я метнулся вперед, обеими руками схватил тринадцатого врага за ногу, сосредоточил волю и прокричал:

– Arctis!

В Охотника хлынул сверхъестественный холод истинной Зимы. С чудовищным хрустом температура его ноги опустилась до однозначных чисел по шкале Кельвина.

Охотник завизжал от боли и стал лягаться, пытаясь стряхнуть меня, но я вцепился на совесть.

Снова раздался хруст, и я упал на траву с отломанной голенью в руках.

Не переставая визжать, Охотник упал в облаке осколков льда и брызг крови.

Не медля ни секунды, Речные Плечи ухватился за стоявший на подъездной дорожке седан, поднял его, отчего на всем теле сасквоча взбугрились могучие мускулы, замахнулся, словно кувалдой, и пришиб тринадцатого Охотника блоком цилиндров с такой силой, что дрогнула земля.

Чужака расплющило, но в нем еще билась противоестественная жизнь. Он издал то ли бульканье, то ли шипение, каким-то образом выразившее беспомощную ярость не хуже, чем это сделал бы оглушительный рев.

Затем он забился в конвульсиях, от которых закачался, затрещал и застонал автомобиль, и наконец умер.

Я отбросил замороженную голень и кое-как поднялся на ноги. Поискал оброненный посох, нашел, а когда поднимал его, сасквоч вытащил из шеи рукоятку копья и бросил его рядом с поверженным врагом, чье тело, подобно телам других Охотников, уже сдувалось и сморщивалось. Одновременно с ним крошился обломок металлического древка.

– Что, – выдохнул я, – во имя всего святого, это было?

– Валлийские твари. – Речные Плечи потыкал ногой остатки копья. – Охотники из Страны мертвых. Копья выкованы с добавлением крови всех тринадцати Охотников, чтобы связать их в стаю. – Он покачал головой. – Скверные новости. Очень скверные.

– Это что, всего лишь разведчики?! – осведомился я. – Так нечестно!

С востока и юга доносились звериные вопли.

– Адские погребушки, – проворчал я и закашлялся, поперхнувшись дымом, клубившимся вокруг. По всей улице занимались новые пожары, и жильцы выбегали из домов. – Пойдем. Нельзя бросать людей на произвол судьбы.

Я подошел к двери, на всякий случай подняв защитный браслет. Как-никак в доме кто-то стрелял. Вдруг перепугается и всадит в меня пулю. Гибель от руки обычного человека никак не вписывалась в мои планы.

– Привет вашему дому! – громко сказал я. – Меня зовут Дрезден! Раньше я жил по соседству, в сгоревшем доме миссис Спанкелкриф.

– С собакой? – спросил после паузы мужской голос с испанским акцентом.

– Да, – подтвердил я, – с большим серым псом.

– По кличке Мыш, – добавил голос.

По-моему, я никогда не общался с этим парнем. Разве что рукой махал, проходя мимо. И уж точно не знакомил его с Мышем. Откуда ему знать, как зовут моего пса?

Черт побери. Общительный у меня блохастик. Мне такая популярность и не снилась.

Что-то лязгнуло, а затем из дальней комнаты появился худощавый мужчина среднего роста, лет под сорок, за ним женщина ему под стать и маленькая девочка с затисканным плюшевым зверем неведомой породы.

– Да, это вы, – сказал мужчина.

– Здравсте. – Я приветственно вскинул подбородок. – С ума сойти, что творится, да?

Он взглянул в ночь – на пламя, дым, трупы Охотников в палисаднике – и оцепенело кивнул.

– В общем, так, – сказал я. – Пойдемте. Нужна ваша помощь. Надо собрать местных и отвести в замок, построенный на месте пожарища. Бездельников там хватает, вот и пускай присматривают за вами. Договорились?

Мужчина – похоже, он пребывал в шоке – продолжал потрясенно разглядывать улицу. Затем перевел пустой взгляд на меня и секундой позже судорожно закивал:

– Замок. Отвести всех в замок.

– И побыстрее, – сказал я. – Кстати, не обращайтесь внимания на сасквоча. Он со мной.

– ¿Qué?¹¹ – оторопел мужчина.

– Ничего, – не стал объяснять я. – Главное, соберите людей. Вперед!

Мой бывший сосед нетвердо побрел к человеку, вышедшему из дома напротив и наблюдавшему, как тот горит. Оба поговорили, подошли к третьему, и в скором времени люди потянулись к замку.

– Пойдем, – сказал я, – пока Марконе не наделал глупостей.

И зашагал вперед, опережая беженцев на несколько ярдов. Промаршировал к подножию стены, из-за которой все следили за происходящим, и крикнул:

– Марконе!

Наверху приглушенно заговорили. Чуть позже над ограждением появилась голова Марконе. Барон взгляделся в мой силуэт:

– Чего?

– Этим людям требуется убежище, – объявил я. – Впустите их в замок.

Марконе бросил на меня сердитый взгляд и обвел бледно-зелеными глазами прибывающих беделог.

– У нас тут не ночлежка, – ответил он.

– Хотите стать властелином Чикаго?! – презрительно гаркнул я. – Так ведите себя соответственно! Пустым словам грош цена!

К Марконе приблизилась Мэб. Коснулась его руки и что-то сказала.

Марконе посмотрел ей в глаза.

Посмотрел в глаза самой Мэб.

А затем опустил взгляд на ее ладонь и поднял бровь.

Мэб убрала руку и прищурилась.

Марконе едва заметно поклонился и вновь повернулся ко мне.

Ночь разорвали вопли Охотников и вой стреляющих копий. Неподалеку, в паре кварталов от замка, закричал человек.

– Проклятье! – рявкнул я.

Облокотившись на зубец стены, Марконе задумчиво смотрел на меня. Перевел взгляд на беженцев и коротко кивнул.

– Вы правы, – подтвердил он. – Пустым словам грош цена. Пусть войдут.

Я оторопел.

---

¹¹ Чего? (исп.)

Марконе бросил свирепый взгляд в дымящуюся, освещенную кострами, завывающую ночь и стиснул зубы. По сравнению с его подбородком гранитные стены уже не казались незыблемыми.

– Хендрикс. Гард. За мной.

С этими словами властелин Чикаго круто развернулся и ушел навстречу подданным, нуждавшимся в его попечении.

Глава 10

Тем временем я, Речные Плечи, эйнхерии и головорезы Марконе принялись расчищать подступы к дверям замка. В коротких ожесточенных стычках с Охотниками люди Марконе показали себя крепкими профессионалами – то есть ни один бой даже близко не был честным.

Тем не менее мы потеряли двоих ранеными, а враг все прибывал. Наконец один из эйнхериев растянул по улице импровизированную веревку и стал развешивать на ней дряблые шкуры павших Охотников, причем с таким праздным видом, словно это были не шкуры, а несвежее постельное белье.

Когда замок окружили этими неприглядными предупредительными знаками, враг стал обходить наш квартал стороной. Вдобавок ко всему Марконе разместил на крышах снайперов, и те быстро охолонили наступавших. В общем, разыграли все как по нотам.

Я понимал, что первый этап атаки не лишен смысла. Легкой пехоте – а это, как известно, расходный материал – поручили сеять хаос, покуда Охотников не начнут убивать, после чего Этне останется лишь явиться туда, где скопилось побольше трупов, и вступить в бой. Или, минуя проблемные участки, наносить удары там, где нет сопротивления, а к нам подбрасывать все новые войска, покуда Чикаго не будет стерт с лица земли.

Чтобы составить карту городской обороны, требовалось уплатить кровавую цену, и Этне, как видно, считала, что эта цена ей по карману.

Последнего Охотника, самого громадного, одолели под руководством самого Эрлкинга. Двое наиболее крупных эйнхериев, не переставая залиристо хохотать, сразили чужака шестифутовыми клейморами, а в процессе развели на улице страшную грязь.

Я не шучу. Они действительно хохотали. Той ночью бессмертные воины развлекались на полную катушку. Скудоумный бедолага, по Лариной милости лежавший без сознания в подвале замка, пропускал варяжье Рождество.

– Напомни, откуда взялись эти Охотники, – попросил я.

– Из Аннуна, – ответил Речные Плечи. – Валлийской Страны мертвых. Когда-то там правил некий Араун, но давным-давно туалеты его приструнили – так же, как Этне приструнила беднягу Гвина ап Нудда.

Чуть раньше я взял черное металлическое копьё. На ощупь оно было холодным и почему-то сальным. От его веса слегка ныли суставы, хотя я всего лишь держал копьё в руках, даже не думая им размахивать. В этом оружии бились и содрогались примитивные чары каменного века, для создания которых требуются долгие часы барабанного боя и первобытных воплей.

– Какой-то железный сплав. Думаю, перед выстрелом это чертово копьё напитывают ненавистью. Надо только ненавидеть по-настоящему, всей душой.

– Пожалуй, ты прав, – громыхнул Речные Плечи и ласково взял меня за предплечье, утонувшее в его ладони, а вторую руку положил мне на грудь, от подмышки до подмышки. – На счет «три». Раз... – И вправил мне вывихнутое плечо.

Взрыв статики, сгусток белого шума – и порядок. Речные Плечи осторожно отпустил меня и поднял бровь. Я поворачивал плечом. Теперь оно двигалось куда свободнее, и я с благодарностью кивнул.

– Да, – согласился Эрлкинг, отводя взгляд от посмертных корчей павшего Охотника. – Поэтому их легко приманить и невозможно принудить к отступлению. – Он ткнул носком сапога сморщенные останки. – Подолгу их в узде не удержишь. Враг завел себе этих тварей совсем недавно.

– Угу. – Я поморщился. – Фоморы крадут людей с тех пор, как не стало Красной Коллегии.

– Теперь нам известно почему, – добавил Речные Плечи.

– Погодите. – Меня замутило. – Так они выводят Охотников из человеческого потомства? Или просто берут обычных людей и превращают в этих чудищ?

– Процесс весьма... своеобразный, – начал было Эрлкинг.

– Погодите, – повторил я. – Перестаньте. Просто перестаньте. Я не хочу этого знать.

– Но бывают вещи и похуже, – заключил Эрлкинг.

– Приятно слышать, – связвил я.

Он пожал плечами, скрипнув охотничьей кожей, и спокойно сообщил:

– К нам летят.

С темного неба спикировал громадный серый филин, зашел на посадку и, хлопая крыльями, приземлился рядом с нами. Груда перьев содрогнулась и обрела форму Слушающего Ветер. Старик встряхнул плечами, поморщился и стал вращать правой рукой, держась за плечо левой ладонью.

– Почаще надо йогой заниматься, – посетовал он. – Привет, Речные Плечи.

– В твоём возрасте человеку надо побольше двигаться, – с явной озабоченностью подтвердил сасквоч.

Слушающий Ветер расплылся в мальчишеской улыбке, которая стерла с морщинистого лица несколько веков.

– Давненько ты меня не поучал, танка¹².

– А когда поучал, ты меня не слушал.

– Что по неприятелю? – спросил Эрлкинг.

– наших бьют, – ответил Слушающий Ветер. – Сильно. Там эти твари, нечто среднее между осьминогом и гориллой...

– Осьмиконги, – перебил я.

Все в молчании взглянули в мою сторону.

– А что, должна же быть хоть какая-то терминология? – недовольно буркнул я. – Вот я и придумал подходящее название. Кстати, не без труда.

– Значит, – прогремел Речные Плечи, – ты нарек их осьмиконгами?

– А разве не годится? – возмутился я.

– Годится, – признал Слушающий Ветер.

– Дурацкий у них вид, правда?

– Дурацкий, – подтвердил индеец. – А еще они вооружены и умеют лазать по стенам, а в городе это чертовски весомое преимущество. Стреляют они паршиво, но, если соберутся всей гурьбой, меткость им не требуется. К тому же огневую поддержку им обеспечивают отряды парней в гидрокостюмах. Отстреливают всех, у кого есть рация, чтобы оставить нас без связи.

– Дело рук Листена, – сообщил я. – Короля водолазочных тварей. Надо признать, враг заручился неплохой поддержкой.

– Это всегда досадно, – отметил Эрлкинг.

– Пора идти на подмогу нашим, если мы вообще собираемся помочь, – сказал старик. – Скоро их возьмут в окружение.

– Давай скажем Одноглазому, – коротко кивнул Эрлкинг и направился к замку, а когда Слушающий Ветер догнал его, остановился и добавил вполголоса: – Сам знаешь, что будет, если уйти без его ведома.

– Такие, как он, любят контролировать все на свете, – вынес заключение старик. – Это вполне ожидаемо.

– Имя «Крингл» подходит ему куда лучше, – пробурчал Эрлкинг.

– Оно всем подходит лучше. Даже тебе.

Эрлкинг сделал оскорбленное лицо.

---

¹² Танка (или тонка) – «здоровяк» на языке индейцев сиу.

Оба зашагали к замку и вскоре растворились во тьме.

Мимо проследовал стрелковый отряд эйнхериев, сопровождавший группу растерянных гражданских. На подходе к замку им осталось миновать несколько блокпостов. В ночи беспрестанно шелкали выстрелы вперемешку с воплями и завываниями черных металлических копий, одно из которых я держал в руках, пока оно не осыпалось ржавыми хлопьями.

Огня вокруг прибавилось. И дыма тоже.

Чикаго был объят пожаром.

– Как думаешь, сколько народу поместится в замке? – спросил Речные Плечи.

– Что ж... – задумался я. – Правила безопасности нас уже не волнуют, так что человек триста-четыреста, если потеснятся.

– А сколько всего людей у вас в городе?

– В общей сложности шесть миллионов, – с тяжелым сердцем ответил я. – Плюс-минус.

– Небольшая разница, – заметил сасквоч.

Я указал на полуодетую пару с полудюжиной детишек в разноцветных пижамах. Семейство спешило под эгиду приземистой громады замка.

– Для них? Очень даже большая.

– Да. – Вдруг Речные Плечи улыбнулся мне широченной белозубой улыбкой. С безопасного расстояния эта улыбка сошла бы за очаровательную, но с того места, где стоял я... Скажите спасибо, что вас там не было. – Верно.

– Звезды и камни, как же хорошо, что ты на моей стороне! – признался я.

– Ты умеешь выбирать союзников, – сказал сасквоч. – Кроме того, ты помог, когда мне требовалась помощь.

– Ну да, – согласился я. – Хотя в тот раз масштабы были поскромнее.

– Друг из меня неважный, но я худо-бедно проанализировал ситуацию и все подсчитал, – продолжил он.

– Друг, говоришь? – оторопел я.

– Ты помог мне с сыном, – сказал Речные Плечи. – Помог с семьей. Был мне другом. Теперь моя очередь. – Он одарил меня еще одной устрашающей улыбкой. – Кроме того, грех не развлечься, когда выдается такая возможность. Разве не так?

Я хотел ответить бурными возражениями, но обнаружил, что ухмыляюсь.

Он, черт возьми, был прав. Перемолоть орду монстров и спасти множество людей – развлечение что надо. Пусть оно наводит ужас, пусть после него будут сниться кошмары – главное, ты совершаешь правое дело.

Адские погремушки! Как же приятно знать, что ты на стороне правды!

Я поднял кулак.

Какое-то время сасквоч смотрел на меня. Затем скопировал мой жест и аккуратно стукнул костяшками пальцев по моим. Из-за этого свежевправленная плечевая кость едва не вышла из суставной впадины, но поскольку я крайне мужественный парень, то не стал издавать никаких писклявых звуков. И вы не сможете доказать обратного.

Баталия разгоралась нешуточная. Я слышал, как вокруг идет битва, и до сих пор чувствовал запах крови и смерти. Я прекрасно знал, что происходит по всему городу, но сюда, где мы обладали силой, враг пока что не совался. Время от времени стрелял кто-то из снайперов – как правило, на вой где-нибудь вдалеке.

Я рвался в бой, но схватка с Охотниками наглядно показала, что, если пойти на поводу у праведного гнева и вслепую ринуться вперед, меня, скорее всего, убьют кварталов через пять-шесть, да и то в лучшем случае. Даже когда рядом был Речные Плечи, я едва не погиб. Что, если бы к бою подключилась еще одна стая? Может, на веревке теперь болталась бы моя шкура

и замысел победоносной схватки с Последней из титанов официально закончился бы полным провалом.

Я проверил обрез. Его я забрал из палисадника вместе с револьвером. Перезарядил безотказную «переломку» и сунул дробовик обратно в чехол. «Дыхание дракона» не щадит каналы ствола, но мое ружье, пожалуй, самый простой и надежный кусок американской стали из тех, что представлены на свободном рынке, и стволы у него довольно короткие, так что о деформации из-за избыточной температуры можно не задумываться. Какое-то время послужит. Затем я набил патронами барабан револьвера и вернул оружие в кобуру.

В замке тяжело застучали ботинки. Наконец из дверей вышел Марконе в сопровождении Гард, Хендрикса и колонны вооруженных до зубов эйнхериев в тяжелой броне. Они незамедлительно построились на улице. Следом выскочили штук десять вурдалаков, уже принявших полузвериный вид. Судя по мечам, автоматам, кольчугам и кевларовым бронежилетам, упырей допустили до арсенала Марконе. Раззявив пасти и вывалив длинные языки, они тут же ускорили в сторону озера.

Наши разведчики. Бу-э.

Затем вышла Лара в свободном белом наряде, которого я прежде не видел. Следом шагала Райли, а за ним полдесятка профессиональных наемников и еще полдесятка членов Дома Рейт, головокружительных женщин с черными волосами и бледной кожей, облаченных в те же белые наряды, что и Лара, грациозных, как пантеры, и вооруженных всевозможными инструментами смертоубийства. Проходя мимо, Лара взглянула на меня и самодовольно усмехнулась. Ее отряд растворился в тенях, будто сонм привидений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.